

БАШНИ РОУК

ЗАКРЕВСКИЙ ВЛАДИСЛАВ

18+

Владислав Закревский

Башни Роук

<https://litres.ru/74151704>

SelfPub; 2026

Аннотация

Между двумя Башнями есть Переход.

Когда-то они были одним целым, и никто уже не помнит, когда именно Переход перестал быть просто дорогой из одной Башни в другую.

Теперь здесь живут люди.

По утрам пахнет кофе. Открываются магазины. Роботы моют полы. Артур куда-то опаздывает. Галя ругается на грязные ботинки. Старик в сером пальто разговаривает со стенами.

А маленькая девочка по прозвищу Лучик каждое утро приходит к Стеклу вместе с медвежонком Топтуном и машет незнакомым людям по ту сторону.

Однажды привычная дорога становится немного длиннее.

Потом появляется новая дверь.

Меняются таблички.

Исчезают слова.

Люди спорят.

Привыкают.

Продолжают жить.

Потому что ничего страшного не происходит.

Потому что всегда можно договориться.
Потому что мы цивилизованные люди.
И умеем договариваться с тем, что есть.

Содержание

Глава 1	5
Топтун опять потерялся.	5
Глава 2	71
Глава 3	118

Владислав Закревский

Башни Роук

Глава 1

Топтун опять потерялся.

Топтун опять потерялся.

Елена обнаружила это в семь часов сорок три минуты утра, когда до выхода оставалось двенадцать минут, каша уже успела остыть, чай — тоже, а Лучик сидела посреди прихожей в одном ботинке и категорически отказывалась надевать второй.

— Где он?

Лучик посмотрела на мать.

Елена посмотрела на Лучика.

Обе посмотрели на пустую кровать.

— Прекрасно.

Лучик улыбнулась.

— Топтун.

— Я поняла, что Топтун. Где Топтун?

Девочка задумалась.

Елена знала это выражение лица. Оно означало, что сей-

час будут предприняты серьёзные усилия для восстановления событий, происходивших приблизительно пять минут назад.

Лучик посмотрела на кровать.

Потом на дверь.

Потом почему-то вверх.

— Там.

— Где там?

Палец указал на потолок.

— Очень информативно.

Елена закрыла глаза.

Ненадолго.

На три секунды.

Иногда этого хватало.

Она вдохнула, выдохнула и снова посмотрела на дочь.

— Давай вспоминать. Вчера Топтун с нами ужинал?

Лучик кивнула.

— Что он ел?

— Касю.

— Кашу?

— Да.

— Много?

Лучик развела руки.

Получилось действительно много.

— Поэтому ты свою не доела?

Девочка посмотрела в сторону.

— Понятно.

Елена пошла на кухню.

Топтуна там не было.

Под столом лежала ложка, которую она искала вчера вечером, две детали конструктора и кусочек засохшего яблока.

Елена подняла ложку.

— Вот ты где.

— Топтун?

Лучик появилась в дверях.

— Нет. Другой пропавший без вести.

Лучик не поняла, но на всякий случай засмеялась.

Елена проверила под стульями.

Открыла нижний шкаф.

Заглянула за мусорное ведро.

— Топтун!

Тишина.

— Мама.

— Что?

— Топтун не говорит.

— Это многое объясняет.

В семь часов сорок семь минут к поискам подключилась сама Лучик.

Это значительно осложнило ситуацию.

Елена искала медведя.

Лучик шла следом и проверяла уже проверенные места.

Иногда она находила что-нибудь другое и приносила ма-

тери.

Сначала носок.

Потом пластмассовую крышку.

Потом расчёску.

— Спасибо.

Лучик ушла.

Вернулась с деревянной ложкой.

— Ещё спасибо.

Елена посмотрела на часы.

Семь пятьдесят.

— Всё. Уходим без него.

Лучик остановилась.

Улыбка исчезла.

Елена поняла, что совершила ошибку.

— Нет.

— Лучик.

— Неть.

— Мы опаздываем.

— Топтун.

— Он взрослый медведь. Посидит дома.

— Неть.

— Мы вернёмся.

— Неть.

— Я позвоню ему.

Лучик задумалась.

На секунду появилась надежда.

— По телефону.

— Топтун не говоит.

Елена посмотрела на дочь.

— Ты же сама пять минут назад сказала.

Лучик села на пол.

Второй ботинок всё ещё стоял рядом.

— Замечательно.

Елена опустилаь на корточки.

— Слушай меня. Мы сейчас надеваем ботинок, идём вниз, покупаем продукты, потом возвращаемся и ищем Топтуна.

Лучик покачала головой.

— Почему?

— Он один.

Елена хотела ответить.

Не ответила.

Посмотрела на часы.

Потом на дочь.

Потом снова на часы.

— Пять минут.

Лучик поднялась.

— Пать.

— Только пять.

Они начали сначала.

В спальне медведя не было.

В ванной тоже.

В стиральной машине Елена обнаружила полотенце, которое собиралась повесить ещё вчера.

На балконе нашёлся второй носок.

— У нас сегодня прямо день великих открытий.

Лучик ползала под кроватью.

— Есть?

— Неть.

— Ищи.

— Исю.

В семь часов пятьдесят шесть минут Елена начала подозревать, что Топтун покинул квартиру самостоятельно.

Медведь обладал удивительной способностью исчезать именно тогда, когда они куда-нибудь собирались.

Елена находила его:

в шкафу;

в корзине для белья;

за холодильником;

однажды — внутри большой кастрюли.

Как он туда попал, Лучик объяснить не смогла.

Или не захотела.

— Где вы вчера играли?

— Тут.

— Тут — это где?

Лучик показала вокруг.

— Понятно. В квартире.

Девочка кивнула.

Елена прошла в гостиную.

Остановилась.

Посмотрела на диван.

Потом медленно наклонилась.

Из-под дивана торчала коричневая лапа.

— Гражданин обнаружен.

Лучик закричала от радости.

Через секунду Топтун был извлечён на свет.

Выглядел он так, словно прекрасно провёл ночь и совершенно не понимал причин возникшей суеты.

— Вот объясни мне, — сказала Елена, держа медведя перед собой, — что ты делал под диваном?

Лучик забрала Топтуна.

Прижала к себе.

— Спал.

— Конечно.

Елена поднялась.

— А теперь ботинок.

На этот раз Лучик не сопротивлялась.

В восемь часов две минуты они наконец вышли из квартиры.

Елена закрыла дверь.

Проверила ручку.

Сделала два шага.

Остановилась.

Вернулась.

Снова проверила ручку.

— Мама.

— Иду.

Коридор Жилого уже проснулся.

Где-то работал пылесос.

За одной из дверей плакал ребёнок.

Пахло жареным луком.

Чуть дальше мужчина в майке стоял на стремянке и пытался заменить лампу.

Лампа мигала.

— Алексей, — сказала Елена.

— А?

— Ты её третий месяц меняешь.

Алексей Мартынов посмотрел на лампу.

— Я к ней подход ищу.

— Нашёл?

— Мы сближаемся.

Лампа погасла.

Алексей посмотрел вверх.

— Видишь? Уже скучает.

Лучик засмеялась.

— Доброе утро, Лучик.

— Утлю.

— А это кто?

Лучик подняла медведя.

— Топтун.

— Серьёзный человек.

Алексей кивнул медведю.

— Доброе утро.

Лучик осталась довольна.

Елена нажала кнопку лифта.

Над дверью загорелась цифра семь.

Потом шесть.

Потом снова семь.

— Только не сегодня.

Цифра подумала.

Стала шестёркой.

— Спасибо.

— Мама.

— Что?

— Лифт думает.

— Очень медленно.

Двери открылись.

Внутри уже стояли четыре человека, детская коляска и мужчина с двумя коробками.

Елена посмотрела на всё это.

— Следующий.

— Влезете, — сказал мужчина.

— Куда?

Мужчина осмотрел кабину.

— Если боком.

— Я ещё не настолько опаздываю.

Двери закрылись.

Лучик подошла к ним.

— Уехал.

— Наблюдательная.

Они стали ждать.

По коридору проехал маленький сервисный робот.

Лучик повернулась.

— Федя!

Елена успела схватить её за капюшон.

— Стоять.

Лучик осталась на месте.

Федя проехал мимо.

Остановился.

Повернулся.

Несколько секунд смотрел на стену своим единственным тёмным сенсором.

Потом поехал дальше.

— Видишь? Даже Федя работает.

Лучик посмотрела на мать.

— Федя гуляет.

— Конечно. Один ты у нас работаешь.

Топтун ничего не ответил.

Подошёл второй лифт.

Они спустились на первый уровень.

Рынок встретил их запахами.

Кофе.

Тёплого хлеба.

Чего-то жареного.

Специй.

Моющего средства.

И ещё десятка вещей, которые Елена различала, но никогда не пыталась назвать.

Переход просыпался не сразу.

Он просыпался уровнями.

Сначала Низ.

Елена этого не видела, но знала по звуку грузовых лифтов.

Потом Рынок.

Потом Жилой.

Стекло просыпалось последним.

Потому что свету требовалось время, чтобы добраться туда.

— Елена!

Она обернулась.

Галя сидела возле служебного помещения.

Рядом стояло ведро.

На ведре лежала тряпка.

В руках у Гали была маленькая чашка.

— Опять бежишь?

— Я не бегу.

— Ты всегда не бежишь.

Галя сделала глоток.

— Просто быстро стоишь на месте.

Елена почувствовала запах кофе.

— Настоящий?

Галя посмотрела на неё с оскорблённым достоинством.

— А какой ещё?

— Вчера ты говорила, что экономишь.

— Я экономлю на важном.

Она подняла чашку.

— А это необходимое.

Лучик подошла ближе.

— Галя.

— Гражданка.

— Кофе.

— Маленькая ещё.

— Мама пьёт.

— Мама тоже маленькая. Просто давно.

Елена улыбнулась.

— Спасибо.

— Обращайся.

Галя посмотрела вниз.

— А гражданин где?

Лучик показала Топтуна.

— Нашёлся.

— Документы?

Лучик прижала медведя к себе.

— Нет.

— Тогда конфискуем.

— Неть.

— Ладно. Первый раз предупреждение.

Мимо них быстро прошёл Артур Пак.

В одной руке он держал планшет.

В другой — лаваш.

— Утро.

— Ты опять ешь на ходу, — сказала Галя.

— Успеваем.

— Куда?

Артур откусил.

Задумался.

— Везде.

Он пошёл дальше.

Через несколько шагов остановился.

Вернулся.

— Корень открывался?

— А я похожа на справочную?

— Да.

— Открывался.

— Спасибо.

— Пять рублей.

— Запиши.

— Уже.

Артур снова ушёл.

Галя посмотрела ему вслед.

— Когда-нибудь подавится.

— Ты ему каждый день это говоришь.

— Поэтому пока не подавился.

Лучик вдруг дёрнула Елену за руку.

— Федя.

Робот появился из-за угла.

Он двигался по своему обычному маршруту.

Медленно.

Уверенно.

Совершенно не интересуясь людьми.

Лучик посмотрела на Топтуна.

Потом на Федю.

Елена увидела это выражение лица.

— Нет.

Лучик посмотрела на мать.

— Нет.

— Топтун хочет.

— Топтун ничего не хочет.

— Хочет.

— Куда?

Лучик показала на Федю.

— Кататься.

— Нет.

— Один раз.

— Нет.

Лучик уже подходила к роботу.

— Лучик.

Галя поставила чашку.

— Подожди.

Елена посмотрела на неё.

— Только не поощряй.

— Я контролирую ситуацию.

— Это меня и пугает.

Федя остановился перед препятствием.

Препятствием оказался Топтун.

Лучик посадила медведя сверху.

Федя подумал.

Потом поехал.

Лучик закричала от восторга.

— Топтун!

Несколько человек обернулись.

Медведь ехал через Рынок.

Лучик бежала следом.

Елена — за Лучиком.

Галя поднялась.

— Эй!

Федя продолжал движение.

— Задержать безбилетника!

Артур обернулся.

Увидел происходящее.

Прижал планшет к груди.

Поймал Топтуна на повороте.

Федя поехал дальше.

Артур поднял медведя.

— Чей?

— Мой!

Лучик подбежала.

— Проезд оплачивать надо.

Лучик посмотрела на мать.

— Мама.

— Даже не начинай.

Галя смеялась.

По-настоящему.

Громко.

Елена забрала Топтуна.

— Всё. Закончили.

— Ещё.

— Нет.

— Пять минут.

Елена посмотрела на дочь.

— Где-то я это уже слышала.

Они пошли дальше.

Корень действительно открылся.

Михаил стоял за прилавком и раскладывал яблоки.

— Доброе утро.

— Если бы.

— Что случилось?

— Поставки.

— Что с ними?

— Ничего.

— Тогда почему «если бы»?

Михаил посмотрел на неё.

— Потому что должны были приехать в шесть.

— А сейчас?

— Восемь двадцать.

Елена посмотрела на часы.

— Восемь одиннадцать.

— Я заранее недоволен.

Лучик подошла к яблокам.

— Не трогать, — сказал Михаил.

Лучик убрала руку.

— Можно взять.

Лучик посмотрела на него.

— Но не трогать.

Лучик посмотрела на мать.

— Он с утра такой, — сказала Елена.

— Я всегда такой.

— Это хуже.

Михаил положил яблоко на весы.

Потом ещё одно.

— Что тебе?

— Молоко. Йогурт. Хлеб.

— Хлеба мало.

— Почему?

— Я же сказал. Поставки.

— Ты сказал, что ничего не случилось.

— А ничего и не случилось.

Михаил достал пакет.

Положил продукты.

Взвесил яблоки.

Добавил ещё одно.

— Я столько не просила.

— Весы старые.

Елена посмотрела на новые электронные весы.

— Конечно.

Она заплатила.

Взяла пакет.

— Пойдём.

Лучик не двигалась.

Она смотрела куда-то за спину Михаила.

— Что?

Лучик показала пальцем.

На стене висела табличка.

Елена знала её много лет.

«Выход к Галерее».

Обычная табличка.

Синяя.

Со стрелкой.

Сегодня под ней висела ещё одна.

Белая.

Временная.

Напечатанная на обычном принтере.

Елена прочитала.

«В связи с проведением технических мероприятий проход через восточную часть Галереи временно ограничен».

— Михаил.

— Что?

— Это когда повесили?

Он посмотрел.

— А.

— Когда?

— Ночью, наверное.

— Что за мероприятия?

Михаил пожал плечами.

— Технические.

— Я вижу.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Елена ещё раз посмотрела на табличку.

— Нам к Стеклу.

— Через второй подъём.

— Это крюк.

— Семь минут.

— С ребёнком пятнадцать.

— Значит, пятнадцать.

Лучик потянула мать за руку.

— Мама.

— Что?

— Стекло.

Елена вздохнула.

— Идём.

Они вышли из магазина.

Галя уже закончила кофе.

Артура не было.

Федя продолжал свой маршрут.

Люди шли на работу.

Открывались магазины.

Поднимались лифты.

Опускались лифты.

Где-то наверху Алексей Мартынов продолжал бороться с лампой.

Переход жил.

Елена взяла Лучика за руку.

Они пошли к другому подъёму.

— Мама.

— Что?

— Почему туда нельзя?

— Не знаю.

— Почему?

— Потому что технические мероприятия.

Лучик подумала.

— Почему?

Елена посмотрела на неё.

— Потому что иногда взрослые пишут длинные слова, ко-

гда сами не знают, что происходит.

Лучик удовлетворилась ответом.

Топтун висел у неё под мышкой.

Одно ухо загнулось.

Они свернули.

За их спинами белая табличка едва заметно качнулась от движения воздуха.

Никто больше на неё не смотрел.

Потому что ничего не произошло.

Просто привычная дорога стала немного длиннее.

Они выбрали второй подъём.

Елена не любила второй подъём.

Не потому, что с ним было что-то не так. В Переходе вообще редко встречались вещи, с которыми было что-то определённо не так. Обычно они просто работали немного хуже, чем хотелось, немного дольше, чем обещали, и совсем не так, как предполагалось изначально.

Второй подъём состоял из двух эскалаторов.

Один ехал вверх.

Второй тоже ехал вверх.

Почему — никто не знал.

Елена помнила времена, когда второй эскалатор спускался вниз. Потом его закрыли на ремонт. Ремонтировали почти два месяца, открыли, и он тоже поехал вверх.

Несколько дней жители возмущались.

Потом привыкли.

Теперь вниз ходили по лестнице.

— Ножку.

Лучик подняла ногу.

— Другую.

Подняла другую.

— Нет, сначала эту.

Лучик посмотрела на мать.

Елена посмотрела на дочь.

Между ними возникло короткое разногласие о том, с какой ноги правильное входить на эскалатор.

Победила Лучик.

Она прыгнула сразу двумя.

— Господи.

Елена успела схватить её за капюшон.

— Я же просила.

— Я сама.

— Я вижу.

Топтун ехал под мышкой.

Его длинная лапа почти касалась ступенек.

Елена поправила медведя.

— Держи нормально.

Лучик перехватила Топтуна за шею.

— Не настолько нормально.

Эскалатор медленно поднимался.

Рынок оставался внизу.

Отсюда было видно, как Галя снова взялась за работу.

Она катила ведро одной рукой, другой поправляла швабру и что-то говорила проходившему мимо мужчине.

Мужчина пытался уйти.

Галя не отпускала.

— Галя.

Лучик помахала.

Галя не заметила.

— Она работает.

— Кофе.

— Кофе она уже выпила.

— Ещё.

— Нельзя столько кофе.

Елена подумала.

— Хотя ей, наверное, можно.

На середине подъёма Лучик начала считать ступеньки.

— Один.

— Два.

— Пять.

— Три.

— Семь.

— Четыре.

— Десять.

— Я сдаюсь.

Лучик победно улыбнулась.

Эскалатор вынес их на промежуточную площадку.

Дальше начиналась лестница.

Пятнадцать ступеней.

Елена знала точно.

Когда живёшь в одном месте достаточно долго, начинаешь помнить вещи, которые никогда не собирался запоминать.

Пятнадцать ступеней до площадки.

Двадцать два шага до автомата с водой.

Девять плиток от лифта до двери магазина Корня.

Семь секунд между нажатием кнопки и звуком открытия дверей второго лифта, если тот находится на соседнем уровне.

Лучик остановилась перед лестницей.

— На ручки.

— Нет.

— Мама.

— Ты большая.

— Маленькая.

— Пять минут назад была большая.

— Теперь маленькая.

Елена вздохнула.

— Аргумент.

Она взяла дочь на руки.

Топтун оказался между ними.

— Тяжёлая стала.

— Топтун.

— Конечно. Это Топтун тяжёлый.

Лучик кивнула.

— Толстый.

Елена посмотрела на медведя.

— Слышал?

Топтун промолчал.

Они поднялись.

На площадке возле автомата стоял Порфирий Сангвинец.

Елена заметила его не сразу.

Порфирий обладал удивительным свойством становиться частью места, в котором находился.

Он мог стоять у стены, сидеть на скамейке, ждать возле лифта, и люди проходили мимо, не замечая его до тех пор, пока он не начинал говорить.

Сегодня он стоял лицом к стене.

На нём было старое серое пальто в полоску.

То самое.

Елена не помнила, чтобы видела Порфирия в другой одежде.

Зимой — пальто.

Весной — пальто.

Летом — пальто.

Однажды, несколько лет назад, в Переходе почти неделю не работала система охлаждения. Температура поднялась так, что Корень выставил возле магазина холодильник с водой и продавал бутылки почти без наценки, чем страшно гордился.

Порфирий всё равно ходил в пальто.
На шее висел потрёпанный шарф.
Очки держались на пластыре.
Матерчатая сумка стояла возле ног.
Порфирий приложил ладонь к стене.
— Ну?

Стена молчала.
— Я тоже так думаю.
Елена хотела пройти мимо.
Лучик не захотела.
— Деда.
Порфирий обернулся.
Посмотрел сначала на Лучика.
Потом на Елену.
Потом на Топтуна.
— Доброе утро.
— Утлю.

Порфирий нахмурился.
— Я не с вами.
Лучик посмотрела на мать.
Елена пожала плечами.
Порфирий наклонился.
— Доброе утро, гражданин.
Топтун висел вниз головой.
Лучик засмеялась.
— Топтун.

— Я вижу.

Порфирий поправил очки.

Одна дужка соскочила.

Он снял их и некоторое время рассматривал медведя через единственное целое стекло, держа оправу перед собой как пенсне.

— Фамилия?

Лучик задумалась.

— Топтун.

— Это имя.

— Топтун.

— Хорошо. Не хотите — не говорите.

Он вернул очки на место.

Дужка снова упала.

Порфирий оставил её висеть.

— Куда направляетесь?

— К Стеклу, — сказала Елена.

Порфирий посмотрел на неё.

— Зачем?

— Гулять.

— А.

Он кивнул.

Будто получил исчерпывающий ответ.

Елена взяла Лучика за руку.

— Пойдём.

— Подождите.

Она остановилась.

Порфирий снова приложил ладонь к стене.

— Вы ничего не слышите?

Елена прислушалась.

Гудела вентиляция.

Где-то работал лифт.

Снизу доносились голоса Рынка.

— Нет.

— Вот.

— Что «вот»?

— Ничего.

Елена посмотрела на него.

— Порфирий, вы опять людей пугаете?

— Я?

Он удивился.

— Я с людьми почти не разговариваю.

— Это я заметила.

Порфирий посмотрел на стену.

— Они всё равно не слушают.

Елена хотела ответить, но Лучик потянула её за руку.

— Мама.

— Идём.

Они прошли несколько шагов.

— Девушка.

Елена обернулась.

Она давно отвыкла от того, что её называют девушкой.

Порфирий стоял на прежнем месте.

— Что?

— Другим путём сегодня идёте.

— Восточную Галерею закрыли.

— Зачем?

— Технические мероприятия.

Порфирий некоторое время смотрел на неё.

Потом перевёл взгляд на стену.

— А.

— Что?

— Ничего.

— Вы знаете, что там происходит?

— Где?

— В восточной Галерее.

— Нет.

— Тогда почему вы так сказали?

Порфирий удивился.

— Как?

Елена подождала.

Потом махнула рукой.

— Неважно.

— Вот и хорошо.

Они пошли дальше.

За спиной Порфирий тихо сказал:

— Не скрипи.

Елена обернулась.

— Что?

— Не вам.

Он погладил стену.

— Потерпи.

Лучик посмотрела на Порфирия.

Потом тоже приложила ладонь к стене.

— Потепи.

Порфирий посмотрел на неё.

Несколько секунд ничего не говорил.

Потом серьёзно кивнул.

— Вот.

Елена улыбнулась.

— Всё, идём.

Они пошли дальше.

На этот раз Лучик не сопротивлялась.

Второй подъём выводил не прямо к Стекла.

Сначала нужно было пройти через старую часть Галереи.

Здесь потолки были ниже.

Магазинов почти не осталось.

Когда-то на этом уровне находился большой мебельный центр. Потом он закрылся, помещения разделили, часть переделали под офисы, часть — под жильё, а несколько больших залов так и остались пустыми.

Лучик любила здесь бегать.

Елена — нет.

Слишком много углов.

— Рядом.

— Я рядом.

— Я тебя не вижу.

Лучик появилась из-за колонны.

— Вот.

— Очень смешно.

Она снова исчезла.

— Лучик.

Тишина.

— Лучик.

Из-за колонны показался Топтун.

Потом исчез.

— Я сейчас разозлюсь.

Появилась Лучик.

— Вот.

— Иди сюда.

Девочка подошла.

Елена взяла её за руку.

— Не убегай.

— Я тут.

— А если потеряешься?

Лучик задумалась.

— Мама найдёт.

Ответ прозвучал так уверенно, что Елена не сразу нашла.

— Конечно найду.

Лучик кивнула.

Вопрос был решён.

Они пошли дальше.

На стенах старой Галереи ещё оставались следы прежней жизни.

Выцветшие прямоугольники там, где когда-то висели вывески.

Закрытые двери.

Старый указатель.

«Башня А — 420 м».

Ниже.

«Башня Б — 380 м».

Кто-то много лет назад нарисовал между стрелками маленький домик.

Елена видела его сотни раз.

Сегодня Лучик остановилась.

— Дом.

— Да.

— Чей?

— Не знаю.

— Наш?

Елена посмотрела на рисунок.

— Наверное.

Лучик удовлетворённо кивнула.

Они пошли дальше.

В конце старой Галереи было два прохода.

Правый вёл к восточной части.
Левый — к Стеклу через Сад.
Сегодня возле правого стояло временное ограждение.
Две металлические стойки.
Лента.
Ещё одна белая табличка.
Такая же, как возле магазина Корня.
Елена прочитала:
«Проход временно ограничен».
Ниже мелкими буквами:
«Просьба использовать альтернативные маршруты».
Перед ограждением стоял мужчина.
Лет сорока.
В рабочей форме.
В руках — ящик с инструментами.
— Мне туда, — сказал он.
Возле ленты стоял молодой сотрудник службы Перехода.
— Проход закрыт.
— Я вижу.
— Тогда в чём вопрос?
— У меня заявка.
— Обходите.
— С инструментами?
Сотрудник пожал плечами.
— Альтернативный маршрут.
— Я на сорок минут опоздаю.

— Ничем не могу помочь.

— Ты понимаешь, что меня там ждут?

— Понимаю.

— Тогда пропусти.

— Не могу.

— Почему?

Молодой человек посмотрел на табличку.

— Проход временно ограничен.

Рабочий тоже посмотрел на табличку.

— Я читать умею.

— Тогда в чём вопрос?

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Елена обошла их.

Лучик оглянулась.

— Почему дядю не пускают?

— Закрыто.

— Почему?

— Не знаю.

— Дядя знает?

— Наверное, тоже нет.

— А кто знает?

Елена хотела сказать:

«Тот, кто закрыл».

Но почему-то не сказала.

— Пойдём.

Они свернули к Саду.

Сад начинался неожиданно.

Сначала менялся воздух.

Совсем немного.

В нём появлялся запах земли.

Потом становилось светлее.

Потом появлялись первые растения.

Большие контейнеры стояли вдоль стен.

Некоторые деревья выросли так, что их корни деформировали пластик.

Администрация каждый год обещала заменить контейнеры.

Каждый год приходили люди.

Фотографировали корни.

Что-то записывали.

Уходили.

Контейнеры оставались.

Елена любила Сад.

Не настолько, чтобы специально сюда приходить.

Но каждый раз, оказавшись здесь, думала, что нужно бывать чаще.

На детской площадке играли трое детей.

На скамейке сидела женщина с телефоном.

Пожилой мужчина кормил птицу.

Откуда в Переходе взялась птица, Елена не знала.

Возможно, залетела через технический шлюз.

Возможно, кто-то принёс.

Птица жила здесь уже несколько месяцев.

Корень утверждал, что это голубь.

Галя говорила, что голуби так не выглядят.

Порфирий однажды назвал её Василием.

С тех пор некоторые жители тоже называли птицу Василием.

— Вася.

Лучик увидела птицу.

— Не бегай за ней.

Лучик побежала.

— Лучик!

Птица улетела на ветку.

Девочка остановилась внизу.

Подняла Топтуна.

— Вася.

Птица посмотрела на медведя.

— Не заинтересовался, — сказала Елена.

Лучик повернула Топтуна к себе.

— Он стесняется.

— Кто?

— Вася.

— Конечно.

Они прошли через Сад.

Дальше начиналось Стекло.

Каждый раз, выходя туда, Елена на несколько секунд замедляла шаг.

Она никогда не признавалась себе в этом.

И, возможно, даже не замечала.

Просто пространство становилось другим.

После низких потолков старой Галереи.

После магазинов.

После коридоров.

После лифтов.

Вдруг появлялось небо.

Разумеется, настоящего неба над Переходом не было.

Но стеклянные стены начинались почти от пола и уходили
вверх, соединяясь с прозрачными секциями потолка.

Свет заполнял пространство.

Башни стояли по обе стороны.

Огромные.

Близкие.

Настолько привычные, что большинство жителей давно
перестало их замечать.

Елена тоже почти не замечала.

Она знала, что Башня А находится слева.

Башня Б — справа.

Знала, что в ясные дни на верхних уровнях одной из них
отражается другая.

Знала, что вечером свет в окнах загорается с разной скоростью.

Знала, что если долго смотреть на Башни снизу, начинает
казаться, будто движутся облака, а здания стоят.

Или наоборот.

Она никогда не могла определить точно.

Лучик отпустила её руку.

Елена не остановила.

Здесь девочка всегда знала, куда идёт.

Мимо автомата.

Мимо двух скамеек.

Мимо большого контейнера с растением, название которого никто не помнил.

К стеклу.

К своему месту.

Ничем не обозначенному.

Никак не названному.

Просто к участку прозрачной стены.

Лучик подошла.

Остановилась.

Переложила Топтуна в левую руку.

Правую прижала к стеклу.

Елена встала в нескольких шагах.

Не рядом.

Лучик не любила, когда ей мешали здороваться.

За стеклом двигались люди.

Далеко.

На разных уровнях.

Кто-то шёл на работу.

Кто-то стоял возле окна.

Кто-то разговаривал.

Лучик подняла руку.

Помахала.

Никто не ответил.

Она продолжала махать.

Елена достала телефон.

Посмотрела на время.

Убрала.

Лучик всё ещё махала.

— Пойдём?

— Нет.

— Мы опаздываем.

— Пять минут.

Елена улыбнулась.

— Где-то я это уже слышала.

Лучик подняла Топтуна.

Прижала его животом к стеклу.

— Не надо пачкать.

Лучик повернула медведя мордой к Башне.

Взяла его за лапу.

Помахала.

Елена посмотрела туда же.

Сначала она ничего не увидела.

Потом заметила человека.

Далеко.

За другим стеклом.

Мужчина стоял возле окна.

Возможно, он смотрел вниз.

Возможно, в телефон.

Возможно, вообще не видел их.

Лучик махала.

Мужчина поднял руку.

Елена не была уверена, что он отвечал.

Но Лучик была уверена.

Она засмеялась.

Помахала сильнее.

Мужчина снова поднял руку.

— Видишь?

Елена улыбнулась.

— Вижу.

— Дядя.

— Дядя.

— Хороший.

Елена посмотрела на далёкую фигуру.

— Наверное.

Лучик опустила Топтуна.

— Там люди.

— Конечно.

Девочка посмотрела на мать так, будто та сказала что-то совершенно лишнее.

Потом снова повернулась к стеклу.

Елена стояла рядом.

Где-то далеко внизу работали грузовые ворота.

На Рынке Галя допила кофе и, вероятно, уже ругалась с кем-нибудь из-за грязного пола.

Артур куда-то спешил.

Корень ждал поставки.

Алексей Мартынов продолжал менять лампу.

Порфирий разговаривал со стеной.

Федя ехал по маршруту, проложенному задолго до того, как Лучик научилась ходить.

Переход занимался своими делами.

Как всегда.

— Всё, — сказала Елена. — Пойдём.

Лучик не спорила.

Она сняла ладонь со стекла.

На поверхности остался маленький след.

Елена посмотрела на него.

— Галя тебя убьёт.

Лучик засмеялась.

Они пошли обратно.

Через несколько шагов Елена остановилась.

Возле выхода со Стекла стоял новый информационный экран.

Она не помнила его здесь вчера.

Впрочем, возможно, просто не заметила.

Экран показывал время.

Температуру внутри Перехода.

Расписание работы лифтов.

Потом изображение сменилось.

Появился текст.

«Уважаемые жители.

В связи с истечением срока действующего соглашения администрации начаты мероприятия по унификации информационного пространства Перехода».

Елена прочитала.

Не поняла.

Прочитала ещё раз.

Лучик тянула её за руку.

— Мама.

— Сейчас.

Ниже шёл ещё один абзац.

Мелкими буквами.

Елена не стала читать.

— Что там?

Рядом остановилась пожилая женщина.

— Да ерунда какая-то.

— Опять тарифы поднимают?

— Наверное.

Женщина посмотрела на экран.

— А что унифицируют?

— Информационное пространство.

— А это что?

Елена пожала плечами.

— Не знаю.

Женщина подумала.

— Наверное, интернет.

— Наверное.

Экран снова показал время.

Восемь часов тридцать семь минут.

— Господи.

Елена схватила Лучика за руку.

— Мы опоздали.

— Топтун.

— Топтун тоже опоздал.

Они пошли к лифту.

Пожилая женщина ещё некоторое время стояла перед экраном.

Потом тоже ушла.

Через минуту сообщение появилось снова.

Люди проходили мимо.

Некоторые читали.

Некоторые нет.

Большинство смотрело только на время.

Потому что утром время обычно важнее слов.

Порфирий всё ещё стоял возле стены.

Теперь он сидел на своей матерчатой сумке.

Елена прошла мимо.

— До свидания.

— С кем?

Она остановилась.

— Что?

— Прощаетесь с кем?

— С вами.

— А.

Порфирий кивнул.

— Тогда до свидания.

Лучик помахала Топтуном.

Порфирий поднял руку.

Они пошли дальше.

— Девушка.

Елена закрыла глаза.

— Что ещё?

— Там написали?

— Где?

— Наверху.

— Что написали?

Порфирий посмотрел на неё.

— Значит, написали.

— Вы о чём?

— Ни о чём.

Елена вздохнула.

— Унификация информационного пространства.

Порфирий молчал.

— Вы знаете, что это?

— Нет.

— Вот и я не знаю.

Она пошла дальше.

— Девушка.

Елена резко обернулась.

— Ну что?

Порфирий снял очки.

Посмотрел на неё.

Потом на Лучика.

Потом на Топтуна.

— А таблички?

— Что таблички?

— Менять будут?

Елена хотела ответить.

Но не знала что.

— Не знаю.

Порфирий кивнул.

Надел очки.

— А.

— Что «а»?

Он уже отвернулся к стене.

— Ничего.

Елена подождала.

Порфирий больше не говорил.

— Идём, Лучик.

Они начали спускаться.

На первом уровне пахло кофе.

На Низу ждали поставки.

На Жилом мигала лампа.

На Стекле высушал маленький отпечаток ладони.

А на четвёртом уровне, в Конторах, человек, которого Елена никогда не видела, открыл электронный документ.

Прокрутил вниз.

Нашёл пункт номер семь.

Прочитал.

Вернулся к началу.

Потом вызвал инженера.

— Таблички тоже менять будем?

Человек за столом не сразу ответил.

Он продолжал смотреть в документ.

— В первую очередь.

Инженера звали Вадим.

Фамилия у него тоже была, но человек за столом ни разу её не произнёс.

— Таблички тоже менять будем?

Человек за столом продолжал читать.

Вадим ждал.

Он стоял возле двери с планшетом в руках и думал о том, что через двадцать минут у него совещание на Низу, через сорок пять — проверка вентиляции на Жилом, а в половине двенадцатого должна приехать комиссия по грузовым лифтам.

Комиссия приезжала третий раз.

В первый раз она обнаружила нарушения.

Во второй — обнаружила, что нарушения устранены неправильно.

Теперь Вадим надеялся, что в третий раз комиссия обнаружит хотя бы грузовой лифт.

— В первую очередь, — сказал человек за столом.

Вадим посмотрел на планшет.

— Все?

— Что все?

— Таблички.

— Все.

— Сколько их?

Человек за столом поднял глаза.

— Вы инженер.

— Именно поэтому спрашиваю.

— А кто должен знать?

— Никто.

— Не понял.

Вадим вошёл в кабинет и закрыл дверь.

— Потому что их никто никогда не считал.

— Как это?

— Вот так.

Он положил планшет на стол.

— Есть официальные указатели. Есть навигационные. Есть аварийные. Есть информационные. Есть старые, которые забыли снять. Есть новые, которые повесили рядом со

старыми. Есть таблички магазинов. Есть таблички служб. Есть надписи на стенах. Есть наклейки. Есть схемы эвакуации.

— Схемы эвакуации не трогать.

— Почему?

— Они не относятся к информационному пространству.

Вадим посмотрел на человека.

— А к чему они относятся?

Человек за столом снова опустил глаза к документу.

— К безопасности.

— Понятно.

На самом деле Вадиму ничего не было понятно.

— А указатели аварийных выходов?

— Что?

— Они относятся к безопасности или к информационному пространству?

Человек за столом задумался.

— К безопасности.

— А если на них есть текст?

Пауза.

— Вы усложняете.

— Я инженер.

— И?

— Это моя работа.

Человек за столом вздохнул.

— Вадим.

Это был первый раз, когда он назвал его по имени.

— Да.

— Есть распоряжение.

— Я вижу.

— Его нужно выполнить.

— Я понимаю.

— Тогда в чём проблема?

Вадим взял планшет.

— Проблемы нет.

— Отлично.

— Есть вопросы.

— Какие?

— Я только что задал три.

Человек за столом посмотрел на часы.

— Начните с основных зон.

— С каких?

— Наиболее посещаемых.

— Рынок?

— Да.

— Жилой?

— Да.

— Стекло?

Человек за столом на секунду задержался.

— Да.

Вадим кивнул.

— А старую Галерею?

— Что с ней?

— Там указатели двух Башен.

— Заменить.

— Оба?

— Конечно.

Вадим снова посмотрел на планшет.

— Хорошо.

Он пошёл к двери.

— Вадим.

— Да?

— Без самостоятельности.

— Я инженер.

— Вы это уже говорили.

— Потому что это многое объясняет.

Он вышел.

Человек за столом несколько секунд смотрел на закрытую дверь.

Потом снова открыл документ.

Прокрутил вниз.

Пункт семь.

«В целях обеспечения единообразия информационной среды»

Он прочитал дальше.

Вернулся к началу.

Закрыв документ.

Через несколько секунд открыл снова.

Артур Пак стоял на Низу и смотрел на пустые ворота.
В одной руке он держал телефон.
В другой — остатки лаваша.
— Где машина?
Голос в телефоне что-то ответил.
— Я понимаю, что задерживается.
Пауза.
— Я спрашиваю: где?
Он слушал.
— Нет.
Снова слушал.
— Нет.
Ещё несколько секунд.
— Подожди.
Артур убрал телефон от уха.
Посмотрел на экран.
Вернул.
— Повтори.
Голос повторил.
Артур перестал жевать.
— Какой новый порядок?
Он слушал.
— С сегодняшнего дня?
Пауза.
— А вчера?
Слушал.

— Вчера был старый.

Артур посмотрел на ворота.

— А сегодня новый.

Слушал.

— Я уже понял.

Мимо проехала грузовая тележка.

Артур отошёл.

— Нет, это я не тебе.

Голос продолжал говорить.

— Хорошо. Какие документы?

Артур поставил остатки лаваша на ближайший ящик.

Достал планшет.

— Медленнее.

Начал записывать.

— Так.

Пауза.

— Это есть.

Записал.

— Есть.

Ещё пауза.

— Что?

Он нахмурился.

— Зачем?

Голос ответил.

— Я не спрашиваю, кто требует. Я спрашиваю, зачем.

Артур слушал.

Потом кивнул.

— Понятно.

Он отключился.

Несколько секунд смотрел на телефон.

Позвонил снова.

— Михаил.

— Это Артур.

— Да.

— Нет.

— Не будет пока машины.

Пауза.

— Я сказал: пока.

Артур посмотрел на часы.

— Не знаю.

Слушал.

— Михаил.

Слушал.

— Михаил.

Снова слушал.

— Корень, заткнись на секунду.

Голос в телефоне замолчал.

— Спасибо.

Артур открыл планшет.

— Нужны дополнительные документы.

Пауза.

— Не знаю зачем.

Пауза.

— Потому что новый порядок.

Он слушал.

— Да.

Слушал.

— Я тоже.

Ещё несколько секунд.

— Нет.

Артур посмотрел на пустые ворота.

— Ничего не случилось.

Он отключился.

Взял лаваш.

Посмотрел.

Есть расхотелось.

Артур выбросил его в урну.

Прошёл несколько шагов.

Вернулся.

Достал.

Снял верхний слой бумаги.

Посмотрел по сторонам.

Доел.

— Успеваем.

Грузовые ворота оставались закрытыми.

К полудню сообщение на информационных экранах прочитали почти все.

К часу о нём начали разговаривать.

К двум перестали.
У людей были дела.
У Софьи Раум сломался фен.
Алексей Мартынов наконец заменил лампу.
Новая оказалась слишком яркой.
Вера сказала, что старая была лучше.
Алексей обиделся.
Через двадцать минут лампа начала мигать.
Вера ничего не сказала.
Алексей тоже.
Оба сделали вид, что не замечают.
У Корня закончился хлеб.
Потом нашлись четыре коробки на складе.
Корень объявил, что всё контролировал.
Галя сказала, что он врёт.
Корень сказал, что это коммерческая тайна.
Федя дважды застрял возле парикмахерской Софьи.
Первый раз его освободили.
Второй раз решили посмотреть, что будет.
Федя стоял семь минут.
Потом развернулся.
Галя сказала:
— Умнее некоторых.
Никто не спросил кого.
На Жилом Максим Мартынов получил двойку.
Спрятал дневник.

Потом вспомнил, что дневники давно электронные.

Расстроился.

На Саду птица Василий украла у ребёнка кусок булки.

Ребёнок заплакал.

Мать ребёнка сказала, что так ему и надо, потому что она предупреждала не кормить птицу.

Порфирий сказал:

— Это не птица.

Его спросили:

— А кто?

Он ответил:

— Василий.

К вечеру большинство жителей Перехода уже не помнило утреннее сообщение.

Только на Конторах Вадим ходил от стены к стене и считал таблички.

На сто двадцать седьмой перестал.

Начал сначала.

Елена вернулась домой в восемнадцать сорок.

Лучик спала у неё на руках.

Топтун висел между ними.

Пакет с продуктами больно врезался в пальцы.

Возле двери Елена попыталась достать ключ.

Не получилось.

Она переложила пакет в другую руку.

Лучик проснулась.

— Мама.

— Спи.

— Дом?

— Дом.

— Топтун?

— Здесь.

Лучик проверила.

Убедилась.

Снова закрыла глаза.

Елена достала ключ.

Открыла дверь.

Вошла.

Поставила пакет на пол.

Сняла обувь.

Посмотрела на Лучика.

— Будешь спать?

— Неть.

— Конечно.

Через десять минут Лучик сидела на кухне и ела макароны.

Топтун сидел напротив.

Перед ним стояла маленькая пустая тарелка.

— Почему у него тарелка?

— Кусать.

— Кушать?

— Да.

— Что он ест?

Лучик посмотрела на пустую тарелку.

— Касю.

— Опять кашу?

— Да.

— Он больше ничего не любит?

Лучик подумала.

— Кимчи.

Елена остановилась.

— Что?

— Кимчи.

— Откуда ты знаешь это слово?

Лучик пожала плечами.

— Артур.

Елена засмеялась.

— Господи.

Она поставила чайник.

Телефон лежал на столе.

Экран загорелся.

Сообщение от соседки.

«Ты видела про унификацию?»

Елена прочитала.

Ответила:

«Да».

Через несколько секунд пришло:

«Что это значит?»

Елена набрала:

«Не знаю».

Подумала.

Добавила:

«Наверное, ничего».

Отправила.

Лучик уронила макаронину.

Топтун оказался виноват.

— Конечно, — сказала Елена.

Лучик показала на медведя.

— Он.

— Я даже не сомневалась.

Чайник закипел.

Елена сделала чай.

Села.

Впервые за весь день.

За окном квартиры был виден внутренний уровень Галереи.

Люди шли.

Лифты двигались.

На противоположной стороне кто-то развешивал бельё.

Елена сделала глоток.

Чай был слишком горячим.

Поставила чашку.

Телефон снова загорелся.

Соседка ответила:

«Ну и хорошо».

Елена посмотрела на сообщение.

Поставила телефон экраном вниз.

— Мама.

— Что?

— Завтра Стекло.

— Завтра.

— Дядя.

— Какой дядя?

Лучик подняла руку.

Помахала.

Елена вспомнила человека в далёком окне.

— А. Дядя.

— Хороший.

— Ты его даже не знаешь.

Лучик нахмурилась.

Елена поняла, что сказала что-то неправильное.

— Что?

— Люди.

— Что люди?

Лучик показала в сторону окна.

— Там люди.

— Я знаю.

— Хорошие.

Елена улыбнулась.

— Все?

Лучик кивнула.

— Все.

— Тебе легко.

Лучик не поняла.

Продолжила есть.

Елена посмотрела в окно.

По Галерее шли люди.

Кто-то спешил.

Кто-то разговаривал.

Кто-то нёс пакеты.

Кто-то держал ребёнка за руку.

Обычные люди.

Елена взяла чашку.

— Наверное.

Перед сном Топтун потерялся снова.

На этот раз его нашли быстро.

Он лежал под столом.

— Почему он всё время теряется?

Лучик обняла медведя.

— Маленький.

— Он?

— Да.

— А ты?

Лучик подумала.

— Большая.

— Конечно.

Елена уложила её.
Поправила одеяло.
Выключила свет.

— Мама.

— Что?

— Топтун.

— Что Топтун?

— Боится.

— Чего?

Лучик не ответила.

Елена включила ночник.

— Так?

Лучик кивнула.

— Спи.

— Мама.

— Что?

— Ты тут?

— Тут.

— Всегда?

Елена замерла.

Всего на секунду.

— Всегда.

Лучик закрыла глаза.

Елена сидела рядом.

Сначала минуто.

Потом ещё одну.

Потом пять.

Дождалась, когда дыхание дочери станет ровным.

Поднялась.

Пошла к двери.

Остановилась.

Обернулась.

Лучик спала.

Топтун лежал рядом.

Одна длинная лапа торчала из-под одеяла.

Елена подошла.

Спрятала лапу.

Вышла.

Закрыла дверь.

Не до конца.

В двадцать три часа сорок минут Рынок закрылся.

В двадцать три пятьдесят два Галя закончила работу.

В двадцать три пятьдесят четыре она вернулась за забытым телефоном.

В двадцать три пятьдесят семь нашла телефон в кармане.

В ноль часов три минуты ушла домой.

В ноль часов десять минут освещение Рынка перешло в ночной режим.

В ноль часов пятнадцать Федя покинул зарядную станцию.

Его маршрут был составлен девять лет назад.

Низ.

Грузовой лифт.

Рынок.

Галерея.

Стекло.

Обратно.

Три тысячи двести сорок семь метров.

Федя выполнял его каждую ночь.

Иногда маршрут менялся.

Ремонт.

Поломка лифта.

Оставленная тележка.

Человек.

Федя обнаруживал препятствие.

Останавливался.

Ждал.

Если препятствие не исчезало, строил обход.

В ноль часов тридцать две минуты он закончил уборку
возле магазина Корня.

В ноль тридцать девять проехал мимо парикмахерской
Софьи.

В ноль сорок семь вошёл в старую Галерею.

На стене висел указатель.

«Башня А — 420 м».

«Башня Б — 380 м».

Между стрелками был нарисован маленький дом.

Федя проехал мимо.

В ноль часов пятьдесят одну минуту он достиг восточного прохода.

Остановился.

Впереди находилась дверь.

Федя просканировал препятствие.

Подождал.

Дверь не открылась.

Подождал ещё.

Дверь оставалась закрытой.

Федя начал строить альтернативный маршрут.

Система обработала данные.

Альтернативного маршрута не существовало.

Федя повторил попытку.

Дверь не открылась.

Он стоял перед ней.

Одна минута.

Две.

Пять.

Потом развернулся.

Поехал обратно.

В ноль часов пятьдесят восемь минут Федя снова проехал мимо старого указателя.

«Башня А — 420 м».

«Башня Б — 380 м».

Маленький дом между стрелками.

В час двенадцать Федя вернулся на зарядную станцию.

Система зарегистрировала:

«Маршрут выполнен частично».

В один час тринадцать минут сообщение было автоматически отправлено в техническую службу.

В один час четырнадцать минут сервер подтвердил получение.

Никто его не прочитал.

Переход спал.

На Жилом мигала новая лампа.

На Низу стояла машина с продуктами, которую не пропустили внутрь.

В Конторах лежал открытый документ.

На Стекле давно высох след маленькой ладони.

Порфирий спал неизвестно где.

Елена спала, оставив дверь в комнату Лучика приоткрытой.

Лучик спала.

Рядом с ней лежал Топтун.

А дверь, которой вчера не было, оставалась закрытой.

Глава 2

Глава 2

Весы старые

В пять часов сорок семь минут Михаил Корень поднял ролл-ставни магазина и обнаружил, что за ночь лучше не стало.

Он постоял перед входом.

Посмотрел внутрь.

Потом вверх, на часы.

Снова внутрь.

Пустые полки стояли, словно обглоданные скелеты.

— Красота.

Магазин ничего не ответил.

— А главное — простор.

Михаил вошёл.

Включил свет.

Половина ламп загорелась сразу. Ещё две подумали и присоединились. Одна не включилась.

Михаил посмотрел на неё.

— Твоё право.

Он прошёл за прилавок.

Открыл холодильник.

Молоко.

Шесть бутылок.

Вчера было девять.

Йогурты.

Одиннадцать.

Яйца.

Две упаковки.

Сыр.

Достаточно.

Масло.

Мало.

Михаил закрыл холодильник.

Подошёл к хлебным полкам.

Посмотрел.

— Не густо.

Подумал.

— Если честно, вообще никак.

Он достал телефон.

Позвонил Артуру.

Длинные гудки.

Никто не ответил.

— Работает человек.

Михаил положил телефон на прилавок.

Прошёл в подсобку.

Вернулся с ящиком яблок.

Начал выкладывать.

Одно взял.

Осмотрел.

Положил.

Взял другое.

Протёр рукавом.

Положил рядом.

Третье оказалось помятым.

Михаил посмотрел на него.

— А ты у нас по акции.

В шесть часов две минуты в Переходе запахло кофе.

Михаил поднял голову.

Кофемашина находилась через несколько помещений от его магазина, но он давно научился определять момент, когда Галя приходила на работу.

Сначала где-то звякала дверь.

Потом что-нибудь падало.

Потом Галя ругалась.

Потом пахло кофе.

Сегодня ничего не упало.

Это было необычно.

Михаил вышел из магазина.

Галя стояла перед кофемашиной.

Не просто стояла.

Ждала.

Обеими руками держала чашку.

Кофемашина тихо гудела.

Галя смотрела на неё с таким выражением, с каким некоторые люди смотрят на детей во время школьного концерта.

— Ну давай, девочка.

Михаил прислонился к стене.

— Ты с ней разговариваешь?

Галя не обернулась.

— Тихо.

— Я просто спросил.

— Она работает.

— Я вижу.

— Тогда не мешай.

Кофемашина загудела громче.

Появилась тонкая струйка кофе.

Галя улыбнулась.

— Вот.

Михаил посмотрел.

— Кофе.

Галя медленно повернула голову.

— Иди отсюда.

— Я констатировал.

— Констатируй у себя.

— У меня пусто.

— Я знаю.

— Откуда?

— У тебя лицо как у человека, которому задолжали.

— Мне задолжали.

— Кто?

— Жизнь.

Галя взяла чашку.

Понюхала.

Закрыла глаза.

— Хорошо.

— Что хорошо?

— Всё.

— У меня хлеба нет.

— А у меня кофе есть.

— Это твой ответ?

— Это моё утро.

Она сделала маленький глоток.

Поддержала кофе во рту.

Проглотила.

— Löfbergs.

Михаил посмотрел на чашку.

— И что?

Галя медленно опустила её.

— Ничего.

— Ты сказала так, будто это фамилия человека, которого я должен знать.

— Тебе не надо.

— Почему?

— Ты бы ему цену поднял.

Михаил фыркнул.

— Я цены не поднимаю.

Галя посмотрела на него.

— Конечно.

— У меня издержки.

— Конечно.

— Логистика.

— Разумеется.

— Инфляция.

— Куда без неё.

— Ты можешь хоть раз не издеваться?

Галя сделала ещё глоток.

— Могу.

— Ну?

— Не хочу.

Михаил посмотрел на чашку.

— Дай попробовать.

Галя прижала её к груди.

— Нет.

— Почему?

— Ты не оценишь.

— Я кофе не пил?

— Такой — нет.

— Откуда ты знаешь?

— По лицу.

— Что у меня с лицом?

— Ты на яблоки так же смотришь.

Михаил хотел ответить.

Не успел.

В нескольких метрах от них раздался металлический грохот.

Оба обернулись.

Давид Розен стоял возле своей мастерской.

На голове кипа.

В зубах связка ключей.

Одной рукой он держал ролл-ставню.

Второй пытался открыть замок.

Ролл-ставня не соглашалась.

— Давид! — крикнул Михаил.

Давид вынул ключи изо рта.

— Что?

— Помочь?

— Нет.

— Ты десять минут стоишь.

— Девять.

— Откуда знаешь?

— Я часовщик.

— Ты часы чинишь.

— Поэтому и знаю.

Он снова взял ключи в зубы.

Потянул ставню.

Ставня поднялась на двадцать сантиметров.

Остановилась.

Давид посмотрел на неё.

— Ну.

Ставня молчала.

— Я жду.

Галя отпила кофе.

— Может, помочь?

— Нет.

— Почему?

Давид снова вынул ключи.

— Я её сорок лет открываю.

— Эту мастерскую открыли двадцать восемь лет назад, —
сказал Михаил.

Давид посмотрел на него.

— Тем более.

Он наклонился.

Что-то сделал с замком.

Ролл-ставня внезапно пошла вверх.

Давид не успел убрать руку.

— Ай.

Галя поставила чашку.

— Прищемил?

— Нет.

— А чего кричал?

— Проверял акустику.

Михаил усмехнулся.

Давид открыл мастерскую.

Внутри было темно.

Он включил свет.

На стенах появились часы.

Десятки.

Может, сотни.

Большинство показывало разное время.

Давид вошёл.

Через секунду снова появился.

— Михаил.

— Что?

— Хлеб есть?

— Нет.

— Хорошо.

— Что хорошего?

— Мне нельзя мучное.

— Кто сказал?

— Врач.

— Когда?

Давид задумался.

— Давно.

— И ты соблюдаешь?

— Когда хлеба нет.

Он скрылся в мастерской.

Галя взяла чашку.

— Умный человек.

— Поэтому всю жизнь часы чинит?

— Поэтому не магазин держит.

Михаил посмотрел на неё.

— Иди мой полы.
Галя сделала глоток.
— Не порть кофе.

К семи часам Рынок начал просыпаться.
Софья Раум подняла ставни парикмахерской.
Постояла перед входом.
Посмотрела на пол.
Нашла два волоса.
Подняла голову.
— Галя!
— Не ори!
— У меня грязно!
— У тебя парикмахерская!
— И что?
— Подумай!
Через несколько минут появились первые покупатели.
Михаил снова позвонил Артуру.
Никто не ответил.
В семь двадцать три Артур Пак появился сам.
Он шёл быстро.
В одной руке держал телефон.
В другой — лаваш с кимчи.
Михаил вышел ему навстречу.
— Где машина?

Артур посмотрел на него.

Прожевал.

— Доброе утро.

— Где машина?

— Как здоровье?

— Артур.

— Семья?

— Машина.

— Погода сегодня хорошая.

— Я тебя убью.

Артур посмотрел вверх.

— В помещении?

— Что?

— Погода.

Михаил закрыл глаза.

— Где продукты?

Артур откусил лаваш.

— На подходе.

— Где?

— В непосредственной близости.

— Где?

— Практически здесь.

— Где?

Артур показал пальцем вниз.

— Там.

Михаил посмотрел на пол.

— В подвале?

— Ниже нас.

— На Низу?

— Вот видишь. Ты всё знал.

— Почему их не подняли?

Артур вздохнул.

— Возникли определённые обстоятельства административно-документального характера.

Михаил смотрел на него.

— Что?

— Бумажки.

— Какие бумажки?

Артур посмотрел по сторонам.

Понизил голос.

— Дополнительные.

Михаил тоже почему-то понизил голос.

— Какие дополнительные?

— Которых раньше не было.

— А теперь?

— Теперь есть.

— Где?

— Нет.

Михаил замолчал.

Артур откусил лаваш.

— Объясни.

— Я объясняю.

- Нет.
- Да.
- Артур.
- Михаил.
- Где документы?
- Какая удивительная вещь бюрократия.
- Где документы?
- Она существует одновременно в двух состояниях.
- Артур.
- Документы нужны.
- Хорошо.
- Но документов нет.
- Почему?
- Потому что раньше они были не нужны.
- А теперь?
- Нужны.
- Тогда где их взять?

Артур задумался.

- Вот это сейчас выясняется.

Михаил несколько секунд смотрел на него.

- То есть машина стоит внизу.
- Стоит.
- Продукты в машине.
- Преимущественно.
- Что значит «преимущественно»?
- Там ещё что-то есть.

— Что?

— Не знаю.

— А кто знает?

— Вероятно, тот, кто положил.

Михаил глубоко вдохнул.

— Машина стоит.

— Да.

— Продукты есть.

— Да.

— Магазин есть.

— Пока да.

— Почему продукты не в магазине?

Артур приблизился.

Снова понизил голос.

— Потому что между продуктами и магазином возник документ.

Михаил посмотрел на него.

— Какой?

— Отсутствующий.

Михаил остановился.

— Артур.

— Что?

— Я сейчас тебя ударю.

Артур кивнул.

— Это понятная человеческая реакция на несовершенство административной системы.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

— Пошли вниз.

— Зачем?

— За продуктами.

Артур посмотрел на лаваш.

Потом на Михаила.

— У меня завтрак.

— Пошли.

— Там лестница.

— Артур.

— Успеваем.

Они пошли к лифту.

Через несколько шагов Михаил остановился.

— Что ещё там в машине?

Артур продолжал идти.

— Я же сказал. Не знаю.

— Много?

— Несколько коробок.

— Чьи?

— Не твои.

— Откуда знаешь?

— На них написано.

— Что?

Артур нажал кнопку лифта.

— «Информационные материалы».

Михаил подошёл.

— Что это?

Двери открылись.

Артур вошёл.

— Информация.

— Какая?

— Материальная.

— Артур.

Двери начали закрываться.

Михаил успел войти.

— Я всё-таки тебя ударю.

Артур нажал кнопку Низа.

— Сначала продукты.

— Потом ударю.

— Успеваем.

Лифт поехал вниз.

Лифт остановился между уровнями.

Михаил посмотрел на табло.

Артур продолжал есть.

— Почему стоим?

— Наслаждаемся моментом.

— Артур.

— Что?

— Почему лифт стоит?

Артур посмотрел на табло.

— Действительно.

Он нажал кнопку Низа.

Ничего не произошло.

Нажал ещё раз.

— Ты думаешь, он не понял?

— Проверяю настойчивость системы.

— И?

— Система настойчивее.

Михаил нажал кнопку вызова диспетчера.

Из динамика послышался треск.

Потом голос:

— Диспетчерская.

— Мы застряли.

— Номер лифта?

Михаил посмотрел на Артура.

— Какой номер?

— Второй.

— Второй.

— Местонахождение?

Михаил посмотрел на закрытые двери.

— В лифте.

Артур отвернулся.

— Уровень?

— Между Рынком и Низом.

— Ожидайте.

Связь отключилась.

Михаил посмотрел на динамик.

— Чего?

Артур доел лаваш.

Аккуратно сложил бумагу.

— Ожидаем.

— Я слышал.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Кого ожидаем?

Артур пожал плечами.

— Вероятно, будущее.

Михаил посмотрел на него.

— Ты всегда такой?

— Какой?

— Невыносимый.

— Нет.

— А когда нет?

— Когда сплю.

Лифт дёрнулся.

Михаил схватился за поручень.

Артур продолжал стоять.

— Вот.

— Что «вот»?

— Успеваем.

Лифт поехал вниз.

— Я когда-нибудь узнаю, куда именно мы всё время успе-

ваем?

Артур задумался.

— Надеюсь, нет.

Двери открылись.

На Низу было холоднее.

Не сильно.

На два, может быть, три градуса.

Но после Рынка разница чувствовалась сразу.

Здесь пахло металлом, картоном, машинным маслом и чем-то ещё — тяжёлым, влажным, напоминающим дождь.

Дождя в Переходе не было.

Михаил вдохнул.

— Где?

Артур показал.

Машина стояла возле третьих грузовых ворот.

Большая.

Белая.

Обычная.

Водитель сидел на ступеньке возле кабины и пил чай из металлической крышки термоса.

Михаил ускорил шаг.

— Вот же она.

— Я тебе говорил.

— Ты сказал «в непосредственной близости».

— И где я ошибся?

Возле ворот стоял молодой сотрудник контроля.

Михаил его знал.

Не по имени.

По лицу.

Они несколько раз пересекались.

Обычный парень.

Тёмные волосы.

Синяя форма.

Михаил подошёл.

— Доброе утро.

— Доброе.

— Почему машина стоит?

Сотрудник посмотрел на Артура.

Артур улыбнулся.

— Мы вернулись.

— Я вижу.

Михаил посмотрел на одного.

Потом на другого.

— Вы уже разговаривали?

— Имели содержательную дискуссию, — сказал Артур.

— Он орал, — сказал сотрудник.

— Эмоциональная составляющая переговорного процесса.

— Ты сказал, что я идиот.

— Это было оценочное суждение.

Сотрудник посмотрел на Михаила.

— Видите?

— Вижу.

— Вот.

Михаил поднял руку.

— Хорошо. Давайте сначала. Почему машина стоит?

— Нет разрешения.

— Какого?

— На ввоз.

— Она каждый день приезжает.

— Знаю.

— Вчера приезжала.

— Знаю.

— Позавчера.

— Тоже знаю.

— Тогда что изменилось?

Сотрудник вздохнул.

— Новый порядок.

— Какой?

— Временный.

— До какого времени?

— Не указано.

Михаил посмотрел на Артура.

Артур кивнул.

— Я тебе говорил. Туман.

— Ты мне ничего не говорил.

— Я создавал атмосферу.

Михаил снова повернулся к сотруднику.

— Что нужно?

— Разрешение.

— Где взять?

— На Конторах.

— У кого?

— Не знаю.

— А кто знает?

— Наверное, на Конторах.

Михаил помолчал.

— То есть мне нужно подняться наверх, чтобы спросить, у кого мне взять бумагу, чтобы спуститься вниз и забрать продукты, которые уже находятся внизу?

Сотрудник подумал.

— Получается так.

— А если открыть ворота?

— Не могу.

— Почему?

— Заблокированы.

— Кем?

— Системой.

— А систему кто заблокировал?

— Не знаю.

Артур тихо сказал:

— Система.

Михаил повернулся.

— Молчи.

— Я помогаю.

— Не помогай.

Водитель допил чай.

Подошёл.

— Мужики.

Все посмотрели на него.

— Я уеду.

— Куда? — спросил Михаил.

— Обратно.

— Зачем?

— Мне ещё два рейса.

— У меня продукты.

— У меня работа.

— А это что?

— Это тоже работа. Но она стоит.

Артур кивнул.

— Сильная мысль.

— Спасибо.

— Я не тебе.

Михаил посмотрел на ворота.

— А если вручную?

Сотрудник контроля покачал головой.

— Нельзя.

— Почему?

— Заблокировано системой.

— Я понял. Если открыть вручную?

— Нельзя.

— А если очень нужно?

— Всё равно нельзя.

— А если продукты испортятся?

— Составим акт.

Михаил замолчал.

— Какой акт?

— Об испорченных продуктах.

Артур прислонился к машине.

— Вот видишь. Система всё предусмотрела.

Михаил повернулся к нему.

— Я тебя предупреждал?

— Да.

— О чём?

— Не помню.

— Сейчас вспомнишь.

— Успеваем.

Ивана Лемминга вызвали в восемь часов одиннадцать минут.

В заявке было написано:

«Не открываются грузовые ворота № 3».

Иван пришёл в восемь двадцать семь.

С ящиком инструментов.
Увидел машину.
Увидел Михаила.
Увидел Артура.
Увидел сотрудника контроля.
Остановился.
— Нет.
Михаил посмотрел на него.
— Что нет?
— Не хочу.
— Ты только пришёл.
— Поэтому ещё могу уйти.
Артур улыбнулся.
— Иван.
— Нет.
— Мы скучали.
— Я нет.
Иван поставил ящик.
Подошёл к воротам.
Осмотрел.
Нажал кнопку.
Ничего.
Открыл техническую панель.
Подключил планшет.
Несколько секунд смотрел.
— Работают.

Михаил посмотрел на закрытые ворота.

— Где?

— Здесь.

— Они закрыты.

— Я вижу.

— Тогда как они работают?

Иван посмотрел на него.

— Нормально.

— Иван.

— Что?

— Они не открываются.

— Это не значит, что они не работают.

Михаил закрыл глаза.

— Господи.

Артур подошёл ближе.

— Объясни.

Иван показал на экран.

— Мотор исправен.

— Так.

— Привод исправен.

— Так.

— Датчики исправны.

— Так.

— Питание есть.

— Прекрасно.

— Ворота заблокированы.

— Кем?

Иван посмотрел на экран.

— Не кем.

— А чем?

— Административным ограничением.

Артур поднял палец.

— Вот.

Михаил повернулся.

— Что «вот»?

— Документ.

— Какой?

— Отсутствующий.

Иван посмотрел на Артура.

— Я могу уйти?

— Нет, — сказал Михаил.

— Почему?

— Потому что ворота закрыты.

— Они исправны.

— Но закрыты.

— Это не моя проблема.

— А чья?

Иван посмотрел на сотрудника контроля.

Тот пожал плечами.

Посмотрел на Артура.

Артур пожал плечами.

Посмотрел на Михаила.

Михаил не пожал плечами.

Иван вздохнул.

— Я инженер.

— И?

— А инженеру нельзя без мата.

Он отключил планшет.

— Звоните на Конторы.

На Конторы звонили сорок три минуты.

Сначала Артур.

Потом Михаил.

Потом сотрудник контроля.

Потом почему-то водитель.

Водителю ответили первым.

Он передал телефон Михаилу.

Михаил поговорил.

Передал Артуру.

Артур поговорил.

Передал сотруднику.

Сотрудник поговорил.

Потом телефон снова оказался у водителя.

— Алло.

Он слушал.

— Да.

Слушал.

— Понял.

Отключился.

Все смотрели на него.

— Что?

— Ну? — спросил Михаил.

— Разрешили.

— Что разрешили?

— Открыть.

Сотрудник контроля подошёл к панели.

Нажал кнопку.

Ворота открылись.

Несколько секунд никто не говорил.

Машина въехала.

Михаил посмотрел на Артура.

— Всё?

— Всё.

— И ради этого мы стояли два часа?

— Час сорок семь.

— Какая разница?

Артур пожал плечами.

— Тринадцать минут.

Михаил посмотрел на него.

Потом на ворота.

— Ну вот. А шуму было.

К девяти тридцати четырём продукты подняли на Рынок.

Хлеб появился на полках.

Молоко — в холодильниках.

Яйца — возле кассы.

Михаил ходил по магазину и проверял коробки.

— Осторожнее.

— Куда ставишь?

— Не туда.

— Я сказал не туда.

— Артур!

— Что?

— Почему они ставят туда?

— Потому что там свободно.

— А там?

— Там занято.

— Чем?

— Коробками.

— Какими?

Артур посмотрел.

— Информационными.

Возле стены стояли шесть длинных упаковок.

Михаил подошёл.

— Убери.

— Куда?

— Отсюда.

— Конструктивно.

— На Конторы.

— Отнесём.

— Когда?

— В ближайшей исторической перспективе.

— Сейчас.

— Михаил.

— Что?

— Я работаю.

— Я вижу.

— Не мешай.

Михаил посмотрел на Галю.

Та мыла пол.

— Видишь?

— Что?

— Он работает.

Галя посмотрела на Артура.

Потом на коробки.

Потом на Михаила.

— Не мешай человеку.

— Вы сговорились?

— Да.

— Когда?

— Пока ты цены поднимал.

Михаил махнул рукой.

Одна из коробок была повреждена.

Картон разошёлся по шву.

Изнутри показался угол металлической пластины.

Артур наклонился.

Потянул.

Вышла табличка.

Он поднял её.

Посмотрел.

— А.

Михаил обернулся.

— Что?

— Информация.

— Какая?

— Материальная.

— Опять начинаешь?

Артур повернул табличку.

На ней было написано название уровня.

Только немного иначе.

Михаил прочитал.

— А старые чем плохи?

— Не знаю.

— Тогда зачем новые?

— Потому что старые старые.

— Весы у меня тоже старые.

Артур посмотрел на прилавок.

Там стояли большие механические весы.

Михаил пользовался ими много лет.

— Действительно.

— И что?

— Ничего.

— Вот именно.

Артур положил табличку обратно.

— Весы старые.

— И работают.

— А таблички?

Михаил посмотрел на коробку.

— Тоже.

Артур пожал плечами.

— Значит, дело не в этом.

— А в чём?

— Михаил.

— Что?

— Я логист.

— И?

— Я перемещаю предметы из места, где они есть, в место, где они зачем-то понадобились.

— Очень содержательно.

— Спасибо.

— А если они там не нужны?

Артур поднял коробку.

— Это уже философия.

И понёс её к лифту.

Лучик появилась в десять часов семнадцать минут.

Михаил заметил её раньше Елены.

Точнее, сначала появился Топтун.

Медведь ехал по полу.

Лучик тащила его за лапу.

За ними шла Елена.

— Подними.

Лучик продолжала тащить.

— Он грязный будет.

— Нет.

— Будет.

— Нет.

— Лучик.

Девочка остановилась.

Посмотрела на Топтуна.

Подняла.

Михаил вышел из-за прилавка.

— Доброе утро.

— Утлю.

— Гражданин Топтун.

Лучик подняла медведя.

— Грязный.

— Я вижу.

— Пол.

— Я тоже вижу.

Галя, находившаяся в нескольких метрах, подняла голову.

— Что ты видишь?

Михаил сразу повернулся.

— Ничего.

— Вот и смотри.

Елена улыбнулась.

— Хлеб привезли?

— А куда денутся.

— Вчера вроде мало было.

— Показалось.

Михаил взял яблоко.

Протянул Лучику.

— Держи.

Лучик посмотрела на мать.

Елена кивнула.

— Что нужно сказать?

— Ещё.

Михаил засмеялся.

— Правильно.

— Лучик.

— Пасиба.

— Пожалуйста.

Девочка взяла яблоко.

Показала Топтуну.

— Не давай ему, — сказал Михаил.

— Почему?

— Он не заплатил.

Лучик посмотрела на медведя.

Потом на Михаила.

— Он маленький.

— Это не освобождает от финансовых обязательств.

Елена взяла хлеб.

Положила в корзину.

— Сколько?

— Как обычно.

Она посмотрела на ценник.

— Не поднял?

— Я цены не поднимаю.

Галя засмеялась.

Издавека.

Михаил повысил голос:

— Я всё слышу!

— Поэтому и смеюсь!

Лучик посмотрела на Галю.

Потом на Михаила.

Тоже засмеялась.

— И ты туда же.

Елена расплатилась.

— Пойдём.

Лучик взяла Топтуна.

Яблоко.

Подумала.

Отдала яблоко медведю.

— Пусть держит.

— Правильно, — сказал Михаил. — Пусть отрабатывает.
Они ушли.

Михаил смотрел им вслед.

Потом вернулся к весам.

Положил на чашу два яблока.

Стрелка качнулась.

Остановилась.

Весы были старые.

И работали.

Первую табличку заменили в одиннадцать часов сорок минут.

Давид Розен услышал дрель.

Вышел из мастерской.

Посмотрел.

Двое рабочих снимали старый указатель.

Давид подошёл.

— Зачем?

Один из рабочих обернулся.

— Что?

— Снимаете зачем?

— Новую повесим.

Давид посмотрел на старую.

— Эта сломалась?

— Нет.

— Украли?

— Нет.

— Потерялась?

Рабочий посмотрел на табличку, которую держал в руках.

— Нет.

— Тогда зачем новая?

— Распоряжение.

Давид кивнул.

— А.

Постоял.

— Старую куда?

— Выбросим.

— Отдайте мне.

Рабочий посмотрел на него.

— Зачем?

— Пригодится.

— Для чего?

Давид задумался.

— Пока не знаю.

— Тогда зачем?

— Когда буду знать, может быть поздно.

Рабочий посмотрел на напарника.

Тот пожал плечами.

— Забирайте.

Давид взял табличку.

Она оказалась тяжелее, чем выглядела.

На ней были две стрелки.

К Башне А.

К Башне Б.

Между ними кто-то когда-то нарисовал маленький дом.

Давид провёл пальцем по рисунку.

— Это тоже менять будете?

— Что?

— Дом.

Рабочий посмотрел.

— Какой дом?

Давид показал.

— Это кто-то нарисовал.

— Я вижу.

— Значит, не относится.

— К чему?

Рабочий уже разворачивал новую табличку.

— К информационному пространству.

Давид посмотрел на него.

Потом на маленький дом.

— А.

Он отнёс старую табличку в мастерскую.

Поставил возле стены.

Вернулся.

Новая уже висела.

Давид остановился.

Прочитал.

— Криво.

— Ровно.

— Криво.

Рабочий достал уровень.

Проверил.

— Ровно.

Давид посмотрел.

— Значит, стена кривая.

И ушёл.

К двум часам заменили ещё пять табличек.

К трём — одиннадцать.

К четырём люди начали замечать.

— Красиво.

— А мне старые нравились.

— Какая разница?

— Я не говорил, что есть разница.

— Тогда зачем говоришь?

— Просто сказал.

— Ну и я просто сказал.

Возле новой таблички остановилась пожилая женщина.

Прочитала.

Подошёл мужчина.

— Что?

— Ничего.

— А чего стоите?

— Читаю.

— И?

— Прочитала.

Она ушла.

Мужчина остался.

Прочитал.

Тоже ушёл.

Через несколько минут возле магазина Корня собрались трое.

Потом четверо.

Потом подошёл ещё один.

Никто не собирался устраивать собрание.

Так получилось.

— Я просто не понимаю, — сказал мужчина в зелёной куртке. — Почему только так?

— Как?

— Так.

— Нормально написано.

— Я не говорю, что ненормально.

— Тогда в чём проблема?

— Проблемы нет.

— Вот и я говорю.

— А раньше почему было иначе?

— Потому что раньше было раньше.

— Содержательно.

— А что ты хочешь?

— Ничего.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Просто спросил.

Кто-то сказал:

— Переход вообще кому принадлежит?

Разговор оборвался.

Михаил, стоявший за прилавком, поднял голову.

— В смысле?

— Ну, чей он?

— Переход?

— Да.

— Наш.

— А «наш» — это чей?

Михаил открыл рот.

Закрыл.

Мужчина в зелёной куртке пожал плечами.

— Вот.

— Что «вот»?

— Ничего.

Галя мыла пол неподалёку.

Кто-то повернулся к ней.

— Галь.

— Что?

— А ты что думаешь?

— О чём?

— О табличках.

Галя выжала тряпку.

Посмотрела.

— Криво повесили.

— Я не об этом.

— А я об этом.

— Ты понимаешь, о чём мы говорим?

— Понимаю.

— И?

Галя посмотрела на собравшихся.

— Ноги подняли.

— Что?

— Пол мою.

Люди разошлись.

Вечером Порфирий Сангвинев остановился возле новой таблички.

Долго смотрел.

Снял очки.

Протёр.

Надел.

Снова посмотрел.

— Ну?

Никто не ответил.

Порфирий подошёл к стене.

Приложил ладонь.

— Видел?

Стена молчала.

— И я.

Пауза.

— Не нравится?

Он прислушался.

— Мне тоже.

Порфирий собирался уйти.

Остановился.

Вернулся.

Посмотрел на табличку.

Поправил.

Она не двигалась.

Порфирий приложил больше силы.

— Криво.

Мимо проходила Галя.

— Ровно.

Порфирий посмотрел на неё.

— Стена кривая.

Галя остановилась.

Посмотрела.

— Давид то же самое сказал.

Порфирий задумался.

— Умный человек.

— Часы чинит.

— Поэтому и умный.

Галя посмотрела на него.

— Вы сговорились?

— Да.

— Когда?

Порфирий приложил ладонь к стене.

— Давно.

Галя покачала головой.

Пошла дальше.

Порфирий остался.

— Хорошая женщина.

Стена молчала.

— Не спорь.

Давид закрыл мастерскую в двадцать один час восемь минут.

На этот раз ролл-ставня опустилась без сопротивления.

Давид даже немного расстроился.

Он выключил свет.

Потом вспомнил.

Вернулся.

Включил.

Старая табличка стояла возле стены.

Давид подошёл.

Посмотрел.

Две стрелки.

Башня А.

Башня Б.

Маленький дом между ними.

На поверхности остались следы многих лет.

Царапина.

Выцветшее пятно.

Номер телефона, написанный маркером.

Половина наклейки.

Маленькая звезда.

Давид не помнил, кто её приклеил.

Он провёл рукой по поверхности.

На пальцах осталась пыль.

Давид посмотрел.

Вытер руку о брюки.

— Пригодится.

Выключил свет.

Вышел.

Закрыл мастерскую.

Через несколько минут включилось аварийное освещение.

Старая табличка стояла возле стены.

На ней всё ещё можно было прочесть дорогу в обе Башни.

На Рынке Михаил пересчитывал выручку.

Галя допивала последний за день кофе.

Артур куда-то спешил.

Федя ждал начала ночного маршрута.

Елена укладывала Лучика.

Топтун снова лежал не там, где его оставили.

А в Переходе висели новые таблички.

Они показывали те же дороги.

Вели в те же места.

И почти никто не понимал, из-за чего весь день люди спрашивали друг друга:

— Какая разница?

Потому что разницы действительно почти не было.

Пока.

Глава 3

Глава 3

Чужой стул

Топтун не хотел надевать ботинок.

Елена узнала об этом в семь часов двадцать одну минуту утра.

Сама она стояла в ванной перед зеркалом, пыталась одной рукой собрать волосы, другой — найти заколку, которую точно положила сюда вечером, и одновременно слушала происходящее в прихожей.

Сначала там было тихо.

Потом что-то упало.

Потом Лучик сказала:

— Неть.

Елена продолжила искать заколку.

— Что «нет»?

— Неть.

— Очень содержательно.

— Не надо.

Елена нашла заколку.

Она лежала там, где Елена её и оставила.

Под полотенцем.

— Что не надо?

Тишина.

— Лучик?

— Он не хочет.

Елена остановилась.

Посмотрела на своё отражение.

— Кто?

— Топтун.

Елена закрыла глаза.

Ненадолго.

Потом вышла в прихожую.

Лучик сидела на полу.

На одной ноге у неё был ботинок.

Второй ботинок стоял рядом.

Топтун лежал на спине.

Лучик пыталась надеть ему на лапу свой носок.

Елена прислонилась к дверному косяку.

— Что происходит?

Лучик подняла голову.

— Не хочет.

— Кто?

— Топтун.

— Чего?

— Ботинок.

Елена посмотрела на медведя.

— А его кто-нибудь спрашивал?

Лучик посмотрела на Топтуна.

— Хочешь?

Подождала.

— Неть.

— Понятно.

Елена подошла.

Села на корточки.

— А почему Топтун должен надевать твой ботинок?

Лучик задумалась.

— Гулять.

— Он и без ботинок гуляет.

— Ножки.

— Что ножки?

Лучик взяла медведя за лапы.

Показала матери.

— Мёрзнут.

Елена потрогала одну лапу.

Потом другую.

— Действительно.

Лучик кивнула.

— Холодные.

— Ужас.

Елена взяла второй ботинок.

— Тогда давай так. Ты надеваешь этот, а Топтуну мы найдём что-нибудь другое.

Лучик насторожилась.

— Что?

— Носки.

— Какие?

— Тёплые.

— Мои?

— Нет.

— Почему?

— Потому что твои нужны тебе.

Лучик подумала.

— Мамины.

— Нет.

— Почему?

— Потому что мамины нужны маме.

Лучик снова задумалась.

— Галины.

Елена посмотрела на дочь.

— Галя будет очень рада.

Лучик улыбнулась.

— Да.

— Особенно если узнает, что мы берём её носки без спроса.

— Да.

Елена протянула ботинок.

— Нога.

Лучик подняла ногу.

Не ту.

— Другая.

Подняла другую.

— Спасибо.

Елена надела ботинок.

Затянула липучку.

— Всё.

Лучик посмотрела на Топтуна.

— А он?

— Ему не холодно.

— Холодно.

— Почему?

Лучик потрогала медведю лапу.

— Холодный.

— Он плюшевый.

— Холодный.

Елена посмотрела на часы.

Семь двадцать семь.

— Хорошо.

Она ушла в спальню.

Открыла ящик.

Нашла пару старых детских носков.

Вернулась.

— Держи.

Лучик посмотрела.

— Маленькие.

— Ему как раз.

— Красные.

— Я вижу.

— Он мальчик.

Елена замерла.

— И?

Лучик посмотрела на красные носки.

Потом на мать.

— Неть.

Елена глубоко вдохнула.

— Сейчас я объясню тебе одну очень важную вещь.

Лучик ждала.

— Красные носки можно носить всем.

Лучик посмотрела на Топтуна.

— Всем?

— Всем.

— Дяде?

— Какому дяде?

Лучик подняла руку.

Помахала.

Елена поняла.

— Дяде за Стеклом?

— Да.

— Можно.

— Корню?

— Можно.

— Порфилию?

— Порфирию.

— Порфилию можно?

— Даже Порфирию.

Лучик подумала.

— Феде?

Елена посмотрела на неё.

— У Феде нет ног.

— Есть.

— Где?

Лучик показала куда-то вниз.

— Там.

— Ладно. Феде тоже можно.

Вопрос был решён.

Лучик надела Топтуну красные носки.

Один держался хорошо.

Второй сразу упал.

Она надела снова.

Он снова упал.

На третий раз Лучик посмотрела на медведя.

— Не балуйся.

Елена отвернулась.

Чтобы дочь не увидела, как она смеётся.

В семь часов сорок две минуты они вышли из квартиры.

Топтун был в красных носках.

Точнее, в одном.

Второй потерялся между прихожей и лифтом.

Елена обнаружила это возле двери.

— Где носок?

Лучик посмотрела на медведя.

Потом на пол.

— Топтун.

— Что Топтун?

— Потелял.

— Конечно.

Они вернулись.

Нашли носок возле коврика.

Вышли снова.

Елена закрыла дверь.

Проверила ручку.

Сделала два шага.

Вернулась.

Снова проверила.

— Мама.

— Иду.

В коридоре пахло яичницей.

За одной из дверей кто-то ругался.

Не громко.

С чувством.

Алексей Мартынов стоял возле своей лампы.

Теперь с отвёрткой.

Елена остановилась.

— Нет.

Алексей посмотрел на неё.

— Что?

— Даже не говори.

— Я ничего не говорил.

— Она опять мигает.

— Не мигает.

Лампа мигнула.

Алексей посмотрел вверх.

— Это другое.

— Что другое?

— Проверка контакта.

Лампа снова мигнула.

— Дважды?

— Контакт сложный.

Лучик подняла Топтуна.

— Утлю.

Алексей кивнул.

— Доброе утро.

Посмотрел на медведя.

— Носки?

— Да.

— Красивые.

Лучик улыбнулась.

Елена нажала кнопку лифта.

— Один потерялся.

— Нашли.

— Это хорошо.

Алексей посмотрел на лампу.

— Не всем так везёт.

Лифт приехал.

Двери открылись.

Елена и Лучик вошли.

— Удачи, — сказала Елена.

— Спасибо.

Двери начали закрываться.

Лампа мигнула.

— Я видел! — крикнул Алексей.

Двери закрылись.

Лучик засмеялась.

Рынок встретил их кофе.

Галя стояла возле кофемашины.

Обеими руками держала чашку.

Глаза закрыты.

Михаил Корень выглядывал из магазина.

— Это уже второй.

Галя не открыла глаз.

— Считай свои яблоки.

— Я считаю.

— Плохо считаешь.

— Откуда ты знаешь?

— У тебя вчера одно пропало.

— Какое?

Галя открыла глаза.

— Вот видишь.

Михаил задумался.

— Какое пропало?

— Доброе утро, — сказала Елена.

— Доброе, — ответил Михаил.

Галя подняла чашку.

— Утро.

Лучик подошла.

— Галя.

— Гражданка.

Лучик показала Топтуна.

— Носки.

Галя наклонилась.

— Вижу.

— Красные.

— Хорошие.

— Мама сказала всем можно.

Галя посмотрела на Елену.

— Что всем можно?

— Носить красные носки.

— А.

Галя кивнула.

— Правильно сказала.

Лучик задумалась.

— Дяде.

— Какому?

Лучик помахала.

Галя поняла.

— Можно.

— Корню.

Михаил повысил голос:

— Что мне можно?

— Красные носки, — сказала Галя.

Михаил посмотрел на неё.

— Зачем?

— Тебе пойдут.

— С чего ты взяла?

— По лицу.

— Что у меня с лицом?

Галя сделала глоток.

— Всё.

Михаил вышел из магазина.

— Вот объясни мне, почему ты с утра обязательно должна кого-нибудь оскорбить?

— Чтобы день начался.

— А без этого?

— Не начнётся.

Лучик потянула Елену за руку.

— Вася.

Птица сидела на верхней перекладине возле Сада.

— Сначала магазин.

— Вася.

— Он подождёт.

Лучик посмотрела на птицу.

— Подождёшь?

Василий не ответил.

— Видишь? — сказала Елена. — Согласен.

Они вошли к Корню.

Людей возле новой таблички было больше, чем вчера.

Елена заметила это не сразу.

Сначала выбрала молоко.

Потом йогурт.

Потом обнаружила, что Лучик пытается положить в корзину четыре яблока.

— Одно.

— Два.

— Одно.

— Топтуну.

— Он вчера ел.

— Неть.

— Я видела.

— Не ел.

— А кто ел?

Лучик задумалась.

— Вася.

Елена посмотрела на неё.

— Василий вчера украл у ребёнка булку.

— Да.

— Яблоко он не ел.

Лучик подумала.

— Корень.

Михаил поднял голову.

— Что я?

— Ты съел яблоко.

— Какое?

— Топтуна.

— У меня магазин яблок.

— Вот именно, — сказала Елена.

Михаил посмотрел на неё.

— Ты тоже?

— Что я?

— Ничего.

Снаружи кто-то повысил голос.

Не закричал.

Просто сказал громче остальных:

— Семь лет назад всё было подписано!

Елена повернула голову.

Возле таблички стояло человек пятнадцать.

Мужчины.

Женщины.

Несколько пожилых.

Один совсем молодой пареньь.

— Что там? — спросила Елена.

Михаил посмотрел.

— Да ничего.

— Вчера тоже стояли.

— Стояли.

— Сегодня больше.

— Значит, вчера не договорили.

Снаружи ответил другой голос:

— Люди здесь живут дольше семи лет!

— А при чём здесь это?

— При том!

— При чём?

— При всём!

— Очень конкретно!

Лучик потянула Елену.

— Мама.

— Что?

— Вася.

— Сейчас.

— Вася улетит.

Елена посмотрела на спорящих.

Потом на дочь.

— Пойдём.

Она расплатилась.

Взяла пакет.

Лучик схватила Топтуна.

— Яблоко.

Михаил протянул ей одно.

— Только одно.

Лучик взяла.

Посмотрела на медведя.

— Тебе.

— Нет, — сказал Михаил.

Лучик посмотрела на него.

— Почему?

— Он задолжал за вчерашнее.

— Он маленький.

— Закон один для всех.

Лучик прижала Топтуна к себе.

— Жадный.

Михаил открыл рот.

Елена засмеялась.

Галя, услышавшая издалека, тоже.

— Я всё слышу! — крикнул Михаил.

— Поэтому и смешно! — ответила Галя.

Елена и Лучик пошли к Саду.

Позади продолжали спорить.

— Семь лет!

— Люди!

— Документы!

— А Переход?

— Что Переход?

Лучик уже не слушала.

Василий перелетел на другую перекладину.

И это было гораздо важнее.

Пока.

Чук Тропов завтракал в восемь часов тридцать минут.

Завтрак состоял из двух яиц.

Каши.

Чая.

Хлеба.

И маленькой упаковки масла, которая не открывалась.

Лев Молотов стоял возле окна.

— Возникло недовольство.

Тропов продолжал бороться с упаковкой.

— У кого?

— У жителей Перехода.

— Каких именно?

Молотов посмотрел в планшет.

— Разных.

— Это не ответ.

— Пока точнее нет.

Тропов поддел угол упаковки ногтем.

Угол оторвался.

Масло осталось закрытым.

— Недовольные есть?

— Есть.

— Довольные?

Молотов задумался.

— Вероятно.

— Вот с ними и работайте.

— С довольными?

— Конечно.

— Зачем?

Тропов посмотрел на него.

— Чтобы не стали недовольными.

Молотов кивнул.

— Логично.

— А с недовольными пусть работают те, кто сделал их недовольными.

— Кто?

Тропов снова взялся за масло.

— Вы у меня спрашиваете?

— Формально управление Переходом последние семь лет осуществляла Башня Б.

— Вот.

— Но распоряжение об унификации...

— Лев.

— Да?

— Масло.

Молотов посмотрел.

— Что масло?

— Откройте.

Лев взял упаковку.

Открыл.

Вернул.

Тропов посмотрел на него.

— Как?

— Потянул.

— Я тоже тянул.

— Видимо, не туда.

Тропов намазал масло на хлеб.

— Вот видите.

— Что?

— Даже масло сопротивляется изменениям.

Молотов улыбнулся.

— Записать?

— Не надо.

— Жаль.

Тропов откусил хлеб.

Молотов продолжил:

— Башня Б утверждает, что семь лет осуществляла полное административное управление Переходом.

— Осуществляла.

— И считает изменения односторонними.

— Считает.

— Жители считают...

— А жители что считают?

Молотов посмотрел в планшет.

— По-разному.

— Очень удобно.

— Для кого?

— Для жителей.

Тропов положил хлеб.

— Семь лет назад мы передали управление.

— Да.

— Не собственность.

— Да.

— Где проблема?

— Башня Б утверждает, что фактическое управление создаёт особые права.

— Какие?

— Они уточняют.

Тропов усмехнулся.

— Пусть уточняют.

— Краснов предлагает встречу.

— Пусть приходит.

— В Переходе.

Тропов перестал есть.

— Почему там?

— Нейтральная территория.

— С каких пор?

Молотов не ответил.

Тропов посмотрел на него.

— Вот.

— Что «вот»?

— Уже проблема.

— Согласовывать встречу?

Тропов взял чай.

— Согласовывайте.

— Состав?

— Минимальный.

— Пресса?

— Нет.

— Представители жителей?

Тропов задумался.

— Каких жителей?

Молотов ничего не ответил.

Тропов отпил чай.

— Вот и я не знаю.

Чук Краснов ходил по кабинету.

Артем Вязоватый сидел за столом.

Перед ним лежали:

ручка;

папка;

стакан воды;

телефон.

Артем передвинул ручку.

Потом стакан.

Потом папку.

— Мы семь лет обслуживали Переход.

Краснов ходил.

— Да.

— Ремонтировали.

— Да.

— Убирали.

— Да.

— Обеспечивали безопасность.

— Да.

— Теперь нам говорят, что мы здесь временные?

Артем переставил стакан обратно.

— Формально не говорят.

Краснов остановился.

— А что говорят?

— Что истёк срок соглашения.

— Это одно и то же.

— Нет.

— Артем.

— Что?

— Ты меня слушаешь?

— Да.

— И?

Артем передвинул ручку.

— Вы хотите услышать ответ или подтверждение?

Краснов смотрел на него.

— Иногда я тебя ненавижу.

— Значит, подтверждение.

Краснов снова начал ходить.

— Семь лет.

— Вы говорили.

— Заезд со стороны Далет удобнее.

— Да.

— Логистика дешевле.

— Да.

— Роботы заходят с нашей стороны.

— Большинство.

— Стекломойщики.

— Да.

— Ремонтные платформы.

— Да.

— Электроснабжение части уровней.

— Частично.

Краснов остановился.

— Почему ты всё время уточняешь?

— Чтобы мы не начали верить собственным словам больше, чем документам.

Краснов посмотрел на него.

Артем переставил телефон.

— В конечном счёте сами мы победить не сможем.

— Кого?

— Пока никого.

— Тогда к чему ты это сказал?

— Чтобы вы помнили.

— Что?

— Что переговоры дешевле.

Краснов сел.

Впервые за весь разговор.

— Они согласились?

— Да.

— Где?

— В Переходе.

— Хорошо.

— Почему?

— Нейтральная территория.

Артем посмотрел на него.

— С каких пор?

Краснов помолчал.

— Вот поэтому и нужна встреча.

О встрече узнали к десяти.

К одиннадцати знали все.

К половине двенадцатого никто уже не мог точно сказать,

откуда узнал.

Возле магазина Корня говорили:

— Сегодня решат.

Возле парикмахерской Софьи:

— Ничего они не решат.

На Жилом:

— А что случилось?

На Низу:

— Ворота будут открывать?

На Конторах:

— Кто готовит документы?

В Саду:

— Василий опять украл булку.

Порфирий сидел возле стены.

— Собрались.

Стена молчала.

— Думаешь, договорятся?

Он прислушался.

— Я тоже не знаю.

Переговорная находилась на третьем уровне.

Небольшая комната.

Стол.

Окно.

Кофейный автомат.

Восемь стульев.

Четыре с одной стороны.

Четыре с другой.

Когда-то здесь обсуждали вентиляцию.

Потом ремонт лифтов.

Потом стоимость уборки Стекла.

Однажды три часа спорили о том, кто должен оплачивать замену двух дверных доводчиков.

В итоге один доводчик оплатили А.

Второй — Б.

Оба сломались через месяц.

Сегодня на столе стояли бутылки воды.

Стаканы.

Папки.

Ручки.

В двенадцать десять пришли представители А.

В двенадцать четырнадцать — Б.

В двенадцать семнадцать выяснилось, что кофе закончился.

В двенадцать двадцать три кофе нашли.

В двенадцать двадцать семь появился Давид Розен.

Со стулом.

Человек возле двери остановил его.

— Вы куда?

— Туда.

— Там встреча.

— Знаю.

— Вы приглашены?

— Нет.

— Тогда нельзя.

Давид поставил стул.

— Почему?

— Потому что встреча закрытая.

— От кого?

— Что?

— Закрытая от кого?

— От посторонних.

Давид посмотрел на дверь.

— Я здесь живу.

— И?

— Значит, не посторонний.

Человек возле двери вздохнул.

— Представители Башен обсуждают вопрос Перехода.

— Я знаю.

— Тогда в чём проблема?

— Переход не пригласили.

Человек посмотрел на него.

— Кого?

— Нас.

— Кого «нас»?

Давид поднял стул.

— Тех, кто здесь живёт.

— Подождите.

— Жду.

Через несколько минут дверь открылась.

Кто-то выглянул.

Посмотрел на Давида.

На стул.

— Это что?

— Стул.

— Я вижу. Зачем?

— Сесть.

— Кому?

— Мне.

— А вы кто?

— Давид.

— Я не об этом.

— А я об этом.

Из комнаты кто-то спросил:

— Что там?

Человек возле двери ответил:

— Житель.

— Какой?

Давид посмотрел на него.

— Обычный.

Пауза.

Потом:

— Пусть войдёт.

Давид поднял стул.

Вошёл.

Все места были заняты.

Четыре человека сидели с одной стороны.

Четыре — с другой.

Давид огляделся.

Поставил стул в торце.

Сел.

Кто-то спросил:

— Вы представляете жителей?

Давид подумал.

— Нет.

— Тогда почему вы здесь?

— Живу.

— Но вы не можете говорить от имени всех.

— Не могу.

— Тогда чью позицию вы представляете?

— Свою.

Наступила тишина.

Давид посмотрел на кофейный автомат.

— Кофе есть?

Переговоры начались в двенадцать сорок одну минуту.

Сначала говорили о конструктивном подходе.

Потом о взаимном уважении.

Потом о необходимости учитывать сложившиеся обстоятельства.

Потом о юридических основаниях.

Потом снова о конструктивном подходе.

Давид выпил кофе.

Кофе был плохой.

Он выпил второй.

— Семь лет назад было подписано соглашение, — сказал представитель А.

— Которое предусматривало передачу управления, — ответил представитель Б.

— Временного.

— Эффективного.

— Это разные понятия.

— Мы не утверждаем обратного.

— Тогда в чём проблема?

Давид поднял руку.

Все посмотрели.

— Что?

— Можно?

— Говорите.

— А Переход чей?

Тишина.

Представитель А ответил:

— Вопрос статуса не является предметом сегодняшней встречи.

— А что является?

— Информационное пространство.

— Оно где?

— Что?

— Пространство.

— В Переходе.

— А Переход чей?

Кто-то вздохнул.

— Мы уже ответили.

— Нет.

— Вопрос сложнее.

— А.

Давид кивнул.

— Тогда понятно.

— Что понятно?

— Что сложно.

Он больше не говорил.

В час двадцать две минуты стороны начали спорить.

В час тридцать семь перестали.

В час сорок две снова начали.

В два пятнадцать объявили перерыв.

В два двадцать семь обнаружили, что Давид съел всё печенье.

— Вы могли оставить другим.

— Мог.

— Почему не оставили?

— Не знал, сколько вы будете говорить.

После перерыва разговор изменился.

Стали появляться предложения.

Приостановить замену табличек.

Создать рабочую группу.

Провести консультации.

Изучить мнение жителей.

Согласовать временный порядок.

Давид слушал.

В три часа сорок минут стороны договорились.

Временно приостановить дальнейшие изменения.

Создать совместную комиссию.

Через две недели провести новую встречу.

Учитывать мнение жителей Перехода.

Последний пункт предложил Давид.

Формулировку изменили.

Получилось:

«Рассмотреть возможность учёта мнений заинтересованных групп населения».

Давид прочитал.

— Это мы?

— В том числе.

— А почему нельзя написать «жители»?

— Формулировка должна быть нейтральной.

— А «жители» не нейтральные?

Никто не ответил.

Давид пожал плечами.

— Ладно.

Документ подписали.

Люди пожали друг другу руки.

Кто-то улыбнулся.

Кто-то сказал:

— Хорошее начало.

Кто-то ответил:

— Главное — диалог.

Давид взял стул.

Пошёл к двери.

— Оставьте.

Он обернулся.

— Что?

— Стул.

— Зачем?

— Пригодится.

Давид посмотрел на человека.

Потом улыбнулся.

— Правильно.

И оставил стул.

Лучик стояла у Стекла.

Махала.

Никого.

Елена сидела на скамейке.

Топтун лежал рядом.

В красных носках.

Теперь в обоих.

— Пойдём?

— Неть.

— Мы уже десять минут.

— Пать.

— Пять прошли.

Лучик продолжала махать.

— Может, дяди сегодня нет?

— Есть.

— Откуда знаешь?

— Там.

— Где?

Лучик показала на Башню.

— Очень конкретно.

Елена посмотрела на часы.

— Ещё две минуты.

— Пать.

— Две.

— Тли.

— Хорошо.

Прошла минута.

Потом ещё одна.

Никого.

Лучик перестала махать.

Опустила руку.

Посмотрела на Топтуна.

— Нет.

Елена встала.

— Пойдём.

Лучик не двигалась.

И вдруг вдалеке появился человек.

Маленькая фигура.

Он подошёл к стеклу.

Остановился.

Лучик замерла.

Потом подняла руку.

Помахала.

Человек тоже поднял руку.

Лучик засмеялась.

— Мама!

— Вижу.

— Дядя!

— Вижу.

Она взяла Топтуна.

Подняла.

Человек за стеклом снова помахал.

Лучик была счастлива.

Елена смотрела.
И почему-то улыбалась тоже.

К вечеру Переход узнал:
договорились.

На Рынке говорили:

— Ну вот.

— А вы боялись.

— Я не боялся.

— Ты вчера кричал.

— Я не кричал.

— Кричал.

— Громко говорил.

Корень спросил Артура:

— Завтра хлеб будет?

Артур задумался.

— Вероятно.

— Что значит «вероятно»?

— Мы живём в эпоху больших перемен.

— Я тебя ударю.

— Успеваем.

Галя пила кофе.

— Я говорила.

Михаил посмотрел.

— Что ты говорила?

— Что договорятся.

— Ты ничего не говорила.

— Значит, думала.

— Откуда мы знаем, что ты думала?

— По лицу.

Михаил замолчал.

Галя улыбнулась.

Переход возвращался к обычной жизни.

Люди расходились.

Магазины закрывались.

Давид вернулся в мастерскую.

Старая табличка стояла возле стены.

Он поставил рядом вторую.

— Пригодится.

В двадцать два часа семнадцать минут Лев Молотов получил документ.

Прочитал.

«Временная приостановка».

«Совместная комиссия».

«Консультации».

«Заинтересованные группы населения».

Закрыл.

Открыл другой.

Прочитал.

Медленно.

Вернулся к началу.

Позвонил.

— Да.

Слушал.

— Нет. Переговоры прошли успешно.

Пауза.

— Именно поэтому.

Он отключился.

В двадцать два часа сорок три минуты Артем Вязоватый получил сообщение.

Прочитал.

Передвинул ручку.

Стакан.

Папку.

Телефон.

Снова ручку.

Потом стакан.

Впервые ни один предмет не оказался на правильном месте.

Артем позвонил.

Краснов ответил сразу.

— Что?

— У нас проблема.

— Какая?

Артем смотрел на сообщение.

— Они закрывают восточный вход.

Пауза.

— На сколько?

— Временно.

В ноль часов пятнадцать Федя покинул зарядную станцию.

Низ.

Рынок.

Галерея.

Стекло.

Обратно.

Три тысячи двести сорок семь метров.

В ноль часов пятьдесят одну минуту он достиг развилки.

Остановился.

Вчера здесь была одна закрытая дверь.

Сегодня две.

Федя просканировал препятствие.

Построил альтернативный маршрут.

Система думала.

Потом выдала:

«Пункт назначения недоступен».

Федя повторил попытку.

«Пункт назначения недоступен».

Он стоял.

Ждал.

Развернулся.

Поехал обратно.

Лучик спала.

Топтун лежал рядом.

Красные носки Елена сняла.

Один положила на стул.

Второй почему-то не нашла.

— Опять.

Она заглянула под кровать.

Ничего.

Под стол.

Ничего.

— Утром.

Елена поправила одеяло.

Собиралась выйти.

— Мама.

Она остановилась.

— Что?

Лучик не открыла глаз.

— Завтра Стекло?

— Конечно.

— Дядя?

— Какой дядя?

Лучик подняла руку.

Помахала.

Елена улыбнулась.

— Конечно.

Лучик опустила руку.

Заснула.

Елена постояла.

Потом вышла.

Оставила дверь приоткрытой.

В это же время двое рабочих у восточного входа закончили устанавливать последнее ограждение.

Один собрал инструменты.

Второй проверил замок.

— Надолго?

— Сказали, временно.

— Это сколько?

Рабочий пожал плечами.

— Наверное, пока не договорятся.

Они ушли.

Свет погас.

За закрытой дверью остался Переход.

А утром Лучик собиралась идти к Стеклу.